

Сергей Васильевич Самаров
Парад скелетов
Серия «Спецназ ГРУ»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6514456
Самаров С. В. Парад скелетов : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68923-1*

Аннотация

На Кавказе готовятся испытания новейшего российского экзоскелета – военного роботизированного костюма, аналогов которому нет в мире. Спецслужбы США планируют проникнуть на секретный полигон и выкрасть чудо инженерной мысли для дальнейшего изучения. Об этом становится известно специалистам Главного разведывательного управления. В обстановке строжайшей секретности они разрабатывают операцию по противодействию американцам, и главную роль в противостоянии двух великих держав сыграет «идеальный спецназовец» – старший лейтенант Платон Котовский по прозвищу Кот...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	17
Глава вторая	23
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Самаров

Парад скелетов

Пролог

Когда я улыбаюсь, дети, находящиеся рядом, начинают плакать. Хотя я от природы человек не злой, а некоторые, исключительно по наивности, называют меня даже добрым. При этом прекрасно понимаю, что есть в природе дети, при появлении которых на близлежащем горизонте взрослые начинают истово креститься. Так вот, при моем появлении и сопутствующей улыбке даже эти дети плачут. Но что поделать, если таким меня создал Господь. Он ничего случайно не делает, во всем присутствует целесообразность. Правда, я не всегда правильно оцениваю целесообразность собственного появления на свет, но это, видимо, из-за отсутствия смирения в душе...

Что удивительно, если не улыбаюсь, то никто не обращает внимания на мое лицо. Красавцем не считают, но и не пугаются. Но беда в том, что я человек от природы веселый, люблю шутить и улыбаться. Последнее иногда чревато последствиями. Инфарктов не зафиксировано, но слезы, особенно детские, видеть приходилось.

– Кот, а почему ты пиво не пьешь?

Лейтенант Сколотов в нашей роте единственный офицер, который любит пиво больше любых других напитков.

– Потому что вреднее пива только колбаса...

– Какая колбаса? Ты о чем? Я – о пиве...

– Да любая колбаса, кроме домашней. Если ее люди для себя делают, тогда есть можно. Хотя это тоже зависит от того, кто делает и как. А если на продажу, тогда тоже нельзя. Все, что душе угодно, в такой колбасе найти можно.

– Даже танк...

– Да бога ради. Только в разобранном виде. А любая магазинная, что с мясокомбинатов, – это вообще отравка. Особенно та, которую рекламируют. Как и пиво.

Сколотов огорчился, осознав, что ему меня не уговорить «на пивко». Все же сделал еще попытку:

– Была бы у тебя теща, ты бы не только пиво пил... Слышал такой анекдот? «Пап, пап, смотри, бабушка по скверику зигзагами бежит!» – «Кому бабушка, а кому теща. Давай, сынок, еще два патрона!» Это как раз про мою...

Но у меня зазвонила трубка, я вытащил ее почти с удовольствием, посмотрел на определитель, узнал номер комбата и сказал демонстративно бодро и громко:

– Слушаю вас, товарищ подполковник.

– Старший лейтенант Котовский?

– Да, товарищ подполковник. Это я. Слушаю вас.

– По голосу не узнал...

– Долго жить буду.

– Очень тебя попрошу, Платон, постарайся. Ты где сейчас?

– Домой отправился. Уже подходим со Сколовым к городку.

– Возвращайся. Я жду тебя в штабе. Дело есть срочное.

– Понял, товарищ подполковник. Возвращаюсь...

Еще не убрав от уха трубку, выполнил строевую команду «кругом» и жестом попрощался с лейтенантом. Пусть один свое пиво пьет, пусть хоть за шиворот себе льет, меня это не волнует. Я все равно на уговоры не поддавался бы. Первые три шага выполнил строевым, но

строевая походка на шоссе, и пусть дорога преимущественно военного пользования, выглядела весьма странной. Потому перешел на обычный быстрый шаг. До расположения бригады этим шагом можно добраться за восемь минут. Комбат у нас строгий и ждать не любит...

* * *

Дежурный по штабу сразу направил меня в кабинет начальника штаба майора Золотухина.

– Комбат там. Тебя ждут. Чего натворил? Сознавайся!

Я вообще-то секреты за пазухой не всегда прячу. Особенно от своих.

– Отказался пиво со Сколовым пить. Больше ничего. Да... Еще, кажется, колбасу магазинную раскритиковал. Может, кто подслушал... Может, из-за этого... А больше ничего. Точно.

– Верю, – сурово сказал дежурный капитан, почесал линейкой спину и кивнул в сторону лестницы.

– Сереня, я на базаре видел такую деревянную штуку... в виде человеческой руки. Специально, чтобы спину чесать. Намного удобнее линейки. Под воротник засунешь, до штанов достанет. Точно тебе говорю.

– Я, понимаешь, по базарам никогда не хожу. Некогда. Если увидишь, купи при случае. Деньги честно отдам.

– На день рождения подарю, – пообещал я с долей торжественности в голосе.

Кажется, он поверил и кивнул в сторону лестницы повторно. И даже еще энергичнее.

Может быть, благодаря этому кивку, может быть, благодаря своей природной скорости перемещения в обозначенном пространстве, я преодолел два пролета лестницы быстро, шагая через три ступени, в том же темпе пересек наискосок широкий коридор и постучал в дверь кабинета майора Золотухина.

– Да-да... – раздался хриплый голос начальника штаба.

Я вошел. Майор сидел за своим рабочим столом, подполковник Солоухин болтал ногами, сидя на широком подоконнике у майора за спиной.

– Товарищ подполковник, старший лейтенант Котовский по вашему приказанию...

Комбат отмахнулся от доклада.

– Хорошо, Платон, что поторопился. Пойдем, комбриг вызывает. Тебя персонально. Ждет. Я уже сообщил, что ты возвращаешься. Готов?

– Тридцать три раза готов, товарищ подполковник. А по какому поводу «на ковер»?

– Я думал у тебя спросить.

– Виноват, товарищ подполковник. Не в курсе.

– Я – тем более. Погнали...

Пройти до штаба бригады двести метров – не марш-бросок на полсотни верст совершить. То есть это не есть сугубо важный с психологической точки зрения подвиг молодого солдата, когда он сам себя впервые в жизни перебарывает настолько, что перестает осознавать собственные ощущения. Мы перехода от штаба до штаба не слишком страшились и потому быстро с дистанцией справились. Дежурный по штабу громко, как натуральный рыжий кот, зевнул и показал на лестницу не кивком головы, а пальцем. Видимо, совершать направляющие движения кивком – это абсолютная привилегия дежурных по штабу нашего батальона. Когда дежурю, тоже обычно обозначаю направление движения кивками.

Разница между двумя штабами состояла еще и в том, что в штабе бригады не командир сидел в кабинете начальника штаба, а начальник штаба сидел в кабинете командира. Причем оба за командирским столом, хотя командир, как ему и полагается, в офисном кресле на колесиках, а начальник штаба на обыкновенном стуле с жестянкой, на которой значится

инвентарный номер. Полковник с подполковником что-то рассматривали в мониторе компьютера. Увидеть изображение мы не могли. Но, судя по тому, что к компьютерной «мышке» ни один из старших офицеров не прикасался, они не в игрушки играли.

Подполковника Солоухина будто и не заметили, но меня вдруг стали внимательно ощупывать глазами. Так внимательно, что я даже щекотку почувствовал. Впрочем, «ощупывание» длилось недолго. Взгляды полковника и подполковника синхронно переместились на монитор, потом опять на меня, потом опять на монитор, потом друг на друга.

– Просто удивительно... – сказал полковник Звенигородский, качая головой.

Я не знал, что и предположить. Никаких персональных данных я в Интернете, точно помню, не оставлял. Даже никаких комментариев к чужим выступлениям никогда не писал, поскольку судьба моя – военная разведка, и не стоит офицеру спецназа военной разведки себя как-то рекламировать.

– Даже родинки... – сказал подполковник Велеречивый.

Чем им не понравились мои родинки, я не понял. На видном месте у меня только три родинки. Все три расположены аккуратно в одну линию поперек горла. Конечно, на теле у меня есть и другие родинки, но те не считал. Я не любитель себя перед зеркалом рассматривать.

– Раздевайся, старлей! – потребовал полковник Звенигородский.

– Как, совсем? – слегка возмутился я, несмотря на уважительное, хотя и не трепетное отношение к армейской субординации.

– Кительними. И рубаху...

Полевой китель был надет на голое тело, потому задача упрощалась. Ощутил себя будто перед неумолимой врачебной комиссией, а совсем не перед своими командирами...

– Ну, подкачаться у него время и возможность есть. А строение тел идентичное. Почти не отличить. Только татуировка...

– Ты, старлей, татуировки любишь? – спросил Звенигородский строгим тоном.

– Никак нет, товарищ полковник.

– Нарисуем... Привыкнешь... – серьезно пообещал начальник штаба. Командир бригады согласно кивнул.

– А зачем мне татуировки? – поинтересовался я с нотками возмущения.

Командир бригады махнул рукой, подзывая меня к монитору. Вместе со мной и комбат двинулся, хотя его никто не звал. Но был жестко остановлен поднятой ладонью полковника Звенигородского:

– Свободен, Виктор Иванович. Спасибо...

Комбат слегка обиженно посмотрел на меня, но команду выполнил, развернулся и вышел из кабинета. И никто не обратил внимания на то, что он вышел молча. Может быть, только я один из троих знал, что так подполковник Солоухин начинает злиться. Старшим по должности, по большому счету, наплевать на то, что кто-то из их подчиненных злится.

Я же заглянул в монитор. Какой-то человек с отвратительной физиономией, по пояс обнаженный и демонстрирующий свои неплохие, хотя, на мой взгляд, излишне объемные и потому тяжелые мышцы, смотрел на меня прямо и нагло. Я даже подумал, что это я сам смотрю, но лицо не понравилось, я не умею смотреть так нагло.

Грудь человека украшала какая-то сложная татуировка, изображающая дерущихся драконов на фоне непонятного происхождения растений, чем-то похожих на привычный для каждой российской деревни чертополох.

– Узнаешь? – торжественно спросил начальник штаба, заранее, кажется, довольный ответом, который я давать определенно не хотел. Подполковник Велеречивый от природы обладал взглядом классического людоеда и потому, видимо, считал, что все люди обязаны его взгляда бояться, трепетать и соглашаться по любому вопросу и поводу и даже без повода.

– Никак нет, товарищ подполковник, – ответил я. – Не знаком с этим отвратительным типом. Убежден, мы не встречались и пиво с ним не пили.

– Пиво любишь? – спросил с легким удивлением полковник Звенигородский.

Удивление комбрига было понятным. В основе пива лежит хмель, в котором фитоэстрогенов на восемьдесят пять процентов больше, чем может их выделять гормональная система женщины. От потребления пива мужчины полнеют в бедрах до безобразия, а женщинам избыток эстрогенов несет целый букет заболеваний, в том числе и онкологических половой системы. В спецназе жопастые и грудастые офицеры не приветствуются. И потому думаю, что Саня Сколотов долго в бригаде не продержится. Спецназ и пиво – понятия взаимоисключающие.

– Тридцать три раза ненавижу, товарищ полковник, – доложил я с полной серьезностью.

– Одобряю, – кивнул полковник. – А с человеком этим ты и не мог познакомиться, хотя внешне вы похожи. У тебя, кстати, нет сводных братьев?

– Никак нет, товарищ полковник. Мой отец исключительно порядочный семьянин. А собственного сходства с этим типом на фотографии, извините, не нахожу. У меня никогда не бывает такого свирепого выражения лица. Наверное, даже в бою. Я привык свои эмоции контролировать. Хотя, конечно, если есть необходимость кого-то напугать, то могу...

– К сожалению, у нас есть только старая фотография этого человека. Еще до того, как его машину взорвали. Возможно, после взрыва его внешность слегка изменилась. Но пока сходство между вами просматривается отчетливо. Это даже командование в Москве отметило. А там сидят люди опытные.

– Есть у меня все же сомнения относительно идентичности, – слабо возразил я, не желая признавать себя за откровенного урода.

– Одевайся, старлей, – приказал подполковник Велеречивый. – Мы все не видим своего сходства с обезьяной, хотя произошли от нее.

– Извините, товарищ подполковник, человек православный, – показал на украшающий мою шею крест на тонкой, почерневшей от пота бечевке, – уверен, что человека создал Господь. Хотя допускаю, что отдельные люди произошли именно от обезьяны, – при этом осмотрел подполковника с головы до ног. – Когда телевизор смотрю, что иногда случается, думаю, что потомков обезьян среди людей очень много. Особенно среди представителей эстрады. И вообще теория Дарвина – вчерашний день. Большинство ученых давно от нее отказались. Даже многие ученики и соратники самого Дарвина. Те связующие звенья между видами, которые, как надеялся Дарвин, будут впоследствии найдены наукой и подтвердят его теорию, не найдены... Теория давно рассыпалась, хотя ее еще и преподают в школе. Но школьная наука всегда настолько неповоротливая, что стыдно. И здесь никакой спецназ помочь не сможет, поскольку наши учителя воспитывают детей по программам, устанавливаемым министерством, а наши министры, как известно, созданы только для того, чтобы главе кабинета нравиться, на остальное они не способны. Не приставишь же к каждому министру по спецназовцу в целях воспитания...

Подполковник Велеречивый, выслушав мою речь, спорить не стал, только посмотрел зверски и плечами передернул.

– Короче говоря, – подвел итог полковник Звенигородский, – крест твой нателный тебе, вероятно, скоро придется снять на время. Это приказ. А пока готовься к командировке в Москву. За тобой завтра утром высылают самолет. Не за каждым самолет высылают. Должен понимать. И осознать важность задания, которое тебе предстоит выполнить. Напоследок только один, но важный вопрос. Я, конечно, твою медицинскую карту изучил. Но вопрос все же задам. Пока ничего объяснить не могу, сам потом все со временем узнаешь. Желудок у тебя как, крепкий? Никакими заболеваниями не страдаешь?

– Никак нет, товарищ полковник. Могу тридцать три дня сырой землей питаться и вместо чая запивать соляжкой. Даже без пива. И ничего...

– Ладно. Готовься!.. Как самолет из Москвы вылетит, тебе сообщат. Ты к взводу в какое время приходишь?

– В пять утра.

– Думаю, самолет будет чуть позже. Готовься, короче говоря. Ко всему готовься. И к татуировкам, и к слабости желудка. Больше ничего сказать не могу, да и сам ничего толком не знаю. Но тебя на фотографии этой узнал именно я. Там, в Москве. Случайно увидел и узнал. Удивился только татуировке. У нас это вроде как не приветствуется. Будь мне благодарен за возможность...

– Прочистить желудок... – за командира бригады закончил фразу начальник штаба. Классические угрожающие нотки в голосе классического людоеда меня не смутили.

– В пять утра я увожу взвод на пробежку.

– Оставь дневальному свой номер и трубку с собой возьми.

– Она у меня всегда с собой.

– И хорошо. Как вызовут, сразу – к начальнику штаба, – полковник кивнул в сторону подполковника Велеречивого. Тот хищно улыбнулся и сверкнул глазами. – Все понял?

– Так точно, товарищ полковник...

* * *

Утром перевел трубку в режим «вибровзвонка», чтобы не пропустить момент, когда мне будут звонить, и засунул себе в уши наушники. На шею же, как обычно, повесил маленький, не мешающий бегу плеер, на который была записана обыкновенная и самая примитивная барабанная дробь. К меломанам себя никогда не относил, и музыка на пробежке меня не вдохновляла. Барабанную же дробь я записывал сначала через микрофон с простого синтезатора, где можно регулировать ритм и скорость звучания. Потом запись перебросил на плеер. В результате у меня получился регулируемый ритм не только звучания, но и самого, грубо говоря, озвученного бега. А уже по моему темпу передвижения ориентировался весь взвод, ускоряясь или замедляясь. Запись была рассчитана ровно на час. Через час, если требовалось совершать большую пробежку, плеер автоматически начинал проигрывать дробь заново. Такое нехитрое приспособление хорошо помогало держать рваный ритм бега, то совершать ускорения, то сбавлять скорость. Это хорошо действует на развитие дыхания.

Как всегда, путь наш пролегал сначала за ворота военного городка, потом по городку ДОС¹ и дальше по дороге до гражданского поселка, мимо моего жилья, мимо громадного двухэтажного особняка тещи лейтенанта Сколотова, мимо бывших авторемонтных мастерских уже не существующего колхоза... Потом вокруг поля по опушке леса... И назад – в обратном порядке до ворот военного городка. При необходимости маршрут можно было изменять. Вместо одного поля мы могли бы обежать по кругу два, три и четыре, а могли вообще перебраться вброд через мелкую речушку и выйти на большой маршрут, обычно используемый для марш-бросков. Но тогда пришлось бы забегать в небольшой городок, наш районный центр, где всегда много машин, не только легковых, но и грузовиков-лесовозов, следовательно, и воздух менее приспособлен для бега, чем на природе. Обычно я предпочитал свой взвод в райцентр не заводить, если не было приказом обусловленного маршрута. Разве что ночью, когда порой по тревоге поднимал солдат и совершал очередной учебный выход. Ночью все-таки дышится легче. Но ночью после нашего прохождения поселок будоражат местные собаки. А зря людей волновать тоже не хотелось.

¹ ДОС – дома офицерского состава, обычно располагаются неподалеку от самих воинских частей.

В этот раз мы совершали нормальный и стабильный часовой круг, бежали в привычном рваном ритме, никто не задыхался и никто не отставал. Что меня, как командира, не могло не радовать, потому что во взводе шестеро молодых бойцов, которые за три месяца службы еще не втянулись в тот ритм нагрузок, который для остальных привычен. Сначала молодых бойцов было восемь, но двое так и не смогли пристроиться к нормам четырехчасового суточного сна, и их пришлось отправить дослуживать в полк ВДВ. Там солдатам полагается спать чуть дольше. Не знаю, как они там прижились, не интересовался. Но обычно те, кого отчисляют из спецназа ГРУ из-за физической несовместимости с общепринятыми у нас нагрузками, в любых других частях становятся чуть ли не лучшими бойцами. Потому что за короткий срок пребывания у нас успевают многое получить.

Когда мы вступили в улицы нашего поселка, когда миновали сначала особняк тещи лейтенанта Сколотова и свернули на узкую улицу, зажатую между двумя длинными заборами, почувствовал непонятное беспокойство. На дороге стояла легковая машина, мимо которой мы пробежали. Посмотреть на людей в машине мне помешали солдаты, перекрыв видимость. И только тогда, когда мы удалились от машины метров на сорок, я вдруг «задней памятью» вспомнил номер, который промелькнул перед глазами. Вернее, даже не сам номер, а обозначение региона, к которому машина была приписана. Хорошо знал, что регион «07» на номерном знаке говорит о том, что машина эта из Кабардино-Балкарии, где я был в недавней своей командировке на Северный Кавказ.

Вместе с тем регион автомобильной регистрации пока не объяснял причин беспокойства. Мы добежали до угла, повернули, и пробегая мимо моего неказистого домишки, понял, что «беспокойство» висит на дереве. А внешне оно представляло собой обыкновенный пластиковый пакет, подвешенный к ветке над дорогой. Пакетов в природе существует множество, все они разные, но обычно их не обклеивают скотчем. Ну разве что в одном месте, где прорвется, если владельцу жалко по какой-то причине пакет выбросить, можно приклеить кусок прозрачного скотча. А этот был почти весь обклеен непрозрачным коричневым скотчем, который обычно употребляют для упаковки багажа. С какой целью могли так «укутать» пакет? Только с одной – чтобы он усилился и выдержал груз. Но кто и для чего подвесил груз над дорогой? Пакет на дереве и обозначение региона в автомобильном номере соединились. Более того, беспокойство вдруг закипело, как вода в чайнике, и готово было выплеснуться наружу.

– Ложись! – отдал я команду.

Команда никому не показалась странной, потому что время от времени на пробежках или марш-бросках такая или же команда «Газы!», вынуждающая задержать дыхание и надеть противогаз, подавалась. Выполнили и в этот раз. Все, кроме меня. Я же, резко взяв ускорение, приблизился к пакету, оттолкнулся двумя ногами, как волейболист перед сеткой, подпрыгнул и двумя руками подбросил тяжелый пакет так, чтобы он слетел с сука дерева, на котором висел. Слетел он, впрочем, вместе со сломанной веткой и упал в газон, за высокий бетонный бордюр. И в момент касания пакета поверхности земли прозвучал взрыв. Одновременно у меня в кармане завибрировала трубка...

* * *

...Я не испугался, увидев это лицо. В зеркало не смотрелся, что ли! По крайней мере, не вздрагиваю перед зеркалом уже давно. И вообще помню слова одного из своих школьных учителей о том, что красота – это только то, к чему мы привыкли. Если бы у человека в ходе эволюции нос вырос на затылке, а мой учитель был приверженцем теории эволюции, поскольку его коммунистическое вероисповедание не позволяло ему допускать возможности сотворения человека богом, то люди привыкли бы к этому и считали бы красивым.

Увидев свое лицо, отчетливо осознавал, что сейчас зеркала передо мной нет. И было оно почему-то маленьким и белым, словно мукой присыпанным. И смотрел я на него сверху вниз и как будто бы издалека, и не сразу понял почему. Но при этом видел и лужицу крови под своей головой. Кровь вытекала из двух рваных ран чуть выше лба, голова была запрокинута, и потому стекала кровь не на лицо, а через мои короткие волосы под голову. И своих солдат видел, которые надо мной склонились. И они мешали мне рассмотреть мое тело. Мне трудно было приблизиться, потому что я непривычно плохо координировал свои передвижения, не понимая еще, что со мной творится. Но не зря же говорят, что главная особенность любого спецназовца – это умение адаптироваться к любым обстоятельствам. А когда понял, что могу передвигаться, придвинулся к своему телу ближе и ужаснулся. Вся грудь моя была окровавлена, кровь била и пульсировала из многих ран, и солдатские руки прикладывали к ним тампоны из индивидуальных санитарных пакетов. Хорошо, что заставил солдат делать пробежку в полной боевой выкладке, то есть и со средствами санитарной поддержки. Хотя, скорее всего, разорванное осколками тело едва ли можно было спасти этими самыми средствами. И вдруг осознал с полной ясностью, что это тело-то мое, а не чье-то чужое, именно мое, такое знакомое и легко управляемое моим мозгом, моими инстинктами. Но тогда кто же я и почему не испытываю боли? Это все было выше понимания. Вспомнил все, что произошло, и снова почувствовал себя командиром взвода, ответственным за своих солдат, за их жизни. Именно мне доверили своих сыновей матери, и я перед ними ответственен. Снова отдалился, пользуясь своими новыми, неизвестно откуда взявшимися возможностями, и осмотрел все сверху: и дорогу, и свой хилый домишко с неухоженным огородом, и всех своих солдат. Понял, что команду «Ложись!» я дал вовремя. Солдаты залегли, я же в это время успел сбить с ветки дерева на землю взрывное устройство. Это солдат спасло. Если бы взрыв произошел так, как его планировали осуществить террористы, осколки накрыли бы даже лежащих солдат. Но я сбил этот пластиковый пакет в газон, за высокий бетонный бордюр. Бордюр разворотило, но осколки в солдат не попали, они пролетели над их головами. А если бы я сам успел залечь, меня тоже, может быть, не задело бы осколками. Спас бы бордюр. Откуда я мог знать, когда произойдет взрыв. Детонатор активизировался наверняка дистанционно или по таймеру, хотя второе маловероятно, потому что следовало знать, когда взвод будет пробегать мимо, а рассчитать это и точно выставить таймер крайне сложно. Мне не хватило каких-то долей секунды, чтобы выжить...

Так я сказал самому себе и только тогда понял, что меня уже нет, что я не выжил, потому что мне не хватило этих нескольких долей секунды, чтобы свалиться на дорогу плашмя и укрыться за бордюром. Там осталось мое растерзанное осколками тело, а я оказался где-то в стороне в роли наблюдателя. Это, наверное, моя душа. И как же мне было не догадаться об этом раньше? Считающему себя православным христианином, более того, грамотному человеку. О подобном писали и рассказывали люди, пережившие клиническую смерть. Наверное, все души переживают подобные моменты, и души верующих людей, и души неверующих, но воспоминания могут оставить только те, кто к жизни вернулся. Мне подобная участь, кажется, совершенно не грозила. Я видел свое тело. Если голова еще была относительно цела, пара осколков задела ее, скорее всего, по касательной, то тело изорвано, что называется, в локуты. Как человек, прошедший боевые действия и смерть уже повидавший, понимал, чем такие ранения грозят. Даже потеря крови способна убить раненого, не говоря уже о самих ранениях. Видимо, осколков мне, зависшему в момент взрыва в воздухе, досталось немало.

И как только пришло осознание всего этого и осмысление собственной смерти... Как только пришла жалость, хотя и не к себе, а к тем, с кем не успел проститься... Почти одновременно с этим пришло чувство вины за то, что намеревался, но не успел доделать или даже сделать. И это движение мысли словно контакт замкнуло – сразу вокруг непонятно откуда

возник страшный и ледящий душу шум. Впечатление складывалось такое, что вокруг меня, окружая со всех сторон, сверху и снизу, работают десятки циркулярных пил. И меня вдруг стало куда-то поднимать с возрастающей почти неестественной скоростью. Я никогда не был человеком робкого десятка, но в этот момент, признаюсь, испытал непонятную тоску и тревогу, которую, возможно, следовало бы назвать страхом. Это самое мягкое определение моих ощущений. Можно было бы добавить еще кучу прилагательных и возвести их в квадрат, но и тогда число не смогло бы передать всей полноты безысходности. Я понял, что это – все, что больше никогда не увижу родных и близких мне людей, не увижу солдат своего взвода, которых не успел научить всему, чему намеревался научить. Не увижу ни комбата, ни начальника штаба батальона, ни начальника штаба бригады, ни самого командира бригады. А меня тем временем все сильнее и стремительнее уносило куда-то вверх, а потом я как-то сразу, вдруг оказался в некоем прямоугольном тоннеле, в конце которого, как во всяком прямом тоннеле, виднелся свет. И свет этот был неестественно ярким и манящим, как спасение. Но вместе с тем и чувство одиночества схватило вдруг ледяными лапами за обнаженные нервы... И с этим чувством я летел, и мне постоянно казалось, что задену стенки, зацеплюсь плечами, а они у меня не узкие, и тогда меня будет бросать от одной стены к другой, пока совсем не погасится скорость. Казалось, тоннель сужается и я не смогу поместиться в нем. Но проходил через тоннель и не задевал ни одной стенки, и только тогда понял, что попросту вытягиваюсь в ниточку... Моего тела больше не существовало...

Все мысли во мне проявлялись как-то сразу, единым блоком, словно я жил уже вне времени, хотя еще по-прежнему в пространстве. А связь времени и пространства, по сути своей, слышал когда-то, и является знаковой величиной человеческой жизни на земле. Разрушение этой связи разрушает земную жизнь. Вторая мысль была связана с той нитью, что тянулась от меня к дороге под деревом, где осталось мое тело. Вспомнилось, как читал какую-то книгу о шаманах. Шаман во время своего «путешествия» в астральный мир остается связанным с телом, которое он оставил, тонкой нитью. И если какой-то другой злой шаман эту нить увидит и перерубит, первый шаман никогда уже не сможет в свое тело вернуться. Его тело умрет. Подумалось, что мое тело, связанное нитью со мной, наверное, еще живо. Хотя мне, православному христианину, нехорошо думать о шаманстве, но понимал какой-то глубиной своей сущности, что в мире существует множество вещей, о которых моя вера просто не говорит. Но она же не говорит, что этого не существует! Значит, это может существовать! И пусть шаманство – язычество. Но и там есть какие-то кусочки правды, наверняка есть. Как, наверное, и кусочки неправды в моей вере, которая два тысячелетия осмысливалась и переосмысливалась не самим богом, а людьми, которые вкладывали в веру свои ощущения и понятия, и никто не скажет с точностью, насколько эти понятия были верными.

Мысли приходили и уходили в то время, когда я передвигался в пространстве с сумасшедшей скоростью. Одно знал точно: направляюсь вверх – к богу. Это утешало. С богом я не одинок. И он там, наверху, тоже не одинок. Мне следовало только до конца преодолеть тоннель. Может быть, там, на выходе, и оборвется нить, что за мной тянется. И тогда душа от тела отделится. Я не знал этого точно. Что будет, то и будет, не мне решать, чем все закончится и что меня ждет.

Ощущение того, что я оказался вне времени, видимо, было верным. Казалось, будто бы бесконечно долго лечу с высокой скоростью по прямоугольному тоннелю. Полет завершился стремительно.

Я не смог уловить момента, когда тоннель закончился, и, не испытав совершенно никаких перегрузок, оказался стоящим на ногах на твердой земле, покрытой удивительного цвета травой. И все цвета вокруг меня были такими удивительными, сочными и яркими, что оставленная мною только что земная жизнь казалась отсюда, сверху, серой и бесцветной. От окружающей красоты о связующей нити забыл. Непонятно откуда прямо передо мной появился

человек. Он куда-то шел; не услышав приглашения, вдруг понял, что должен за ним идти. Он – мой проводник в этом мире. Смотрел ему в спину, разглядывая непривычную для моего взгляда одежду – длинный средневековый кафтан, расшитый каким-то золотым узором, круглую шапку, явно средневекового образца. Где-то в современном городе человека в таком одеянии сразу отправили бы в психбольницу. Но здесь подобная одежда выглядела вполне уместной. Наверное, мы прошли много, хотя усталости от пути я не ощутил, а понятие «много пройти» появилось у меня в голове потому, что я сначала издали увидел среди прекрасного зеленого поля со множеством ярких цветов здание, чем-то напоминающее православный храм. И не заметил, как мы преодолели это расстояние. Увидел издали, но очень быстро оказался рядом.

Храм был внешне слегка странен. По обе стороны от него уходила стена высотой в человеческий рост, может быть, даже слегка повыше, и стена уходила за горизонт в обе стороны, словно бы перегораживала пространство, отделяя одно измерение от другого. Перед арочной высокой и тяжелой дверью, плотно закрытой, кстати, было крыльцо из белого мрамора высотой всего в одну ступень. Мой проводник взобрался на крыльцо и взялся рукой за кованое кольцо на двери. Даже после смерти я все равно оставался военным разведчиком и не мог не заметить, что это за рука. На руке было несколько перстней с драгоценными камнями. И сама рука была белой, не натруженной, и в то же время внешне сильной. Это была рука воина и знатного человека из далекого прошлого. Такого же далекого, как и его одежда. Меня он за собой так и не позвал, но я снова словно бы услышал немой приказ и остановился перед крыльцом, так и не ступив на белый мрамор. И только в этот момент мой проводник повернулся ко мне. Лицо его было совершенно бесстрастным, ничего не выражающим. Я не увидел в нем ни приветливости, ни внимания к своей персоне. Он смотрел на меня так, как привычно смотрят на прохожих на улице. Короткая и аккуратно стриженная слегка золотистая бородка обрамляла его породистое лицо. Я никак не мог понять, что это за человек и какие обязанности он здесь выполняет. Откуда-то вдруг выплыло имя – Юрий. Он не представлялся, но я твердо был убежден, что его зовут Юрием. Но я почему-то не чувствовал необходимости спросить его, что со мной происходит и где я нахожусь.

Человек по имени Юрий смотрел словно бы сквозь меня. И при этом в полных равнодушия глазах я видел и понимание. Но понимал он не мое состояние. Он понимал что-то другое, мне недоступное.

В это время из-за двери вдруг раздался голос моей четыре года назад умершей мамы: – Платон, Платон... – сказала она с каким-то горьким укором и даже с сожалением.

Голос мамы вернул меня, грубо говоря, к жизни, которой я уже, кажется, лишился. Вдруг вспомнил слова из «Покаянного Канона ко Господу нашему Иисусу Христу», который принято читать перед каждой исповедью. Вспомнил, перекрестился и мысленно произнес:

– Токмо даждь ми, Господи, прежде конца покаяние...

И еще раз повторил фразу, как того требовал обычный православный молитвослов.

В словах моих было много искренности. Я честно сожалел, что давно не был на исповеди, не причащался. На Северном Кавказе нет условий для посещения церковной службы. Но в условиях военного городка никто не мешал мне, кроме собственной моей нерадивости. А я все откладывал «на потом». И горько сожалел об этом, потому что всегда помнил слова Господа: «В чем застану, в том и возьму». Я мысленно каялся в своем нерадении к Вере. Знал, что каяться в остальных грехах уже поздно.

И сразу же все исчезло. Исчезло все прекрасное, яркое, благоухающее, запахло вдруг дымом, снова раздался леденящий душу звук, с которым я поднимался по тоннелю к пятну света. И тут же я услышал яростное воронье карканье и отчаянное кваканье не совсем трезвых по весне лягушек. И еще слышал обычные человеческие голоса...

* * *

Какими ужасными и раздражающими показались мне эти голоса. Никогда раньше не задумывался и даже представить себе не мог, что человеческий голос звучит так противно. Наверное, певчие птицы это хорошо понимают. А попугаи, скворцы и другие птицы, которые порой человеческие голоса копируют, над людьми просто издеваются, делая злую и насмешливую пародию.

В моем сознании зародилась жесточайшая обида и понимание того, что меня обманули. Показали, как ребенку конфетку, другой мир и тут же отправили в мир, мне привычный. А я уже не хотел в него. Мне там нравилось больше².

Пришла боль. Боль была во всем теле, и кто-то мое тело мучил, кто-то упрямо и жестоко издевался надо мной. Я открыл глаза и увидел прямо перед собой человека с лицом цвета церковного кагора. Не сразу даже обратил внимание на то, что человек этот – в белом халате, забрызганном моей свежей кровью. Но понял, что он делает мне перевязку. Но, чтобы перевязать, тело человека необходимо приподнимать, переворачивать... И кто-то держал меня двумя руками, подперев спину коленями. Мне были видны только руки и манжеты форменного солдатского кителя. Значит, приподнимал меня кто-то из моих солдат. Другой солдат придерживал двумя руками мою голову и тем самым мешал мне все видеть. Еще и кровь, которая раньше сбегала на затылок, теперь через лоб стала заливать глаза.

Попытался голову повернуть, высвобождая ее. Это удалось. И встретился взглядом со старшим сержантом Серегиним, своим заместителем.

– Как взвод? – спросил я.

– Никто не пострадал, товарищ старший лейтенант, – отозвался Серегин, понимая причину моего беспокойства.

Я расслабился, и снова посмотрел на человека, делающего мне перевязку, соображая, загар у него на лице такой или от природы кожа лица имеет столь яркий оттенок. И вспомнил, что есть и третий вариант – дружба с Бахусом...

– Юрий... – откуда-то из памяти выплыло имя другого человека, иначе одетого и иначе выглядевшего.

– Я не Юрий, а Владимир. Фельдшер со «Скорой помощи». Мы мимо проезжали. Сразу после взрыва. Возвращались с вызова.

– Я тридцать три раза знаю, что не Юрий... Юрий другой... – сказал я. – Ты вытри, фельдшер, мне глаза, а то кровь смотреть мешает.

– Совсем ожил, старлей, – сказал фельдшер почти недовольно, но все же вытер мне лоб марлевым тампоном. – А тут солдаты плакали, убили, дескать, командира...

– Я вернулся оттуда... – сказал я так, словно он должен был понять. – Оттуда, где Юрий...

Фельдшер завершил перевязку тела и за голову принялся, когда рядом другие машины остановились. По звуку понял, что с разных сторон подъехали. И в лицо мне поочередно заглянули наш начальник штаба бригады подполковник Велеречивый, а потом какой-то ментовский подполковник. Что рассматривали, что высматривали, если и так все понятно. А тут и третья машина подъехала. И уже капитан-военврач подошел. Наш, из бригады, хирург. С ним санитары с носилками. Дожидались, когда толстые пальцы фельдшера закончат перевязку моей ободранной головы. А потом меня бережно на носилки переложили. Солдаты

² Описание «перехода» в момент клинической смерти написано автором со слов человека, все это пережившего, и у автора нет оснований этому человеку не верить. Более того, другой человек рассказывал автору похожую в мелочах историю о своих ощущениях.

поддерживали с четырех сторон. От их рук и исходила заботливость. Это радовало. Я ощущал, что солдаты моего взвода меня любят, несмотря на жесткость и требовательность, как командира. Руки, движения рук – доказательнее слов...

* * *

Не знаю, на каком уровне решался вопрос о моем здоровье. Но кто-то эту заботу торопливо и властно проявил, и в бригадную медсанчасть меня не повезли. Уже перед самыми воротами военного городка санитарная машина внезапно развернулась и поехала в другую сторону.

– Это что, похищение с целью получения выкупа? Куда едем? – спросил я военврача, сидящего рядом со мной и положившего свою руку на мою, наспех перевязанную. Он только что закончил телефонный разговор, убрал трубку, наклонился вперед и что-то сказал водителю. За шумом двигателя и из-за того, что команда водителю отдавалась негромко, я не разобрал слов.

– На аэродром. За тобой, старлей, самолет прилетел. Приказано срочно в Москву доставить. Я хотел, понимаешь, сам тебя оперировать, но... Транспортировать тебя можно. Я так, по крайней мере, думаю. Жизненно важные органы не повреждены. А мышечная ткань еще несколько часов может терпеть в себе осколки. Хотя есть и неприлично крупные. Важная ты, наверное, персона, если за тобой самолет высылают. За командиром бригады не пришлют. А за тобой...

– Может, просто за моими осколками и высылают... И не персона я, а важное лицо...

Военврач посмотрел внимательнее и громко икнул, хотя видел меня до этого множество раз. Он даже однажды с нашим отрядом на Северный Кавказ ездил, и мне, помнится, легкое ножевое ранение зашивал. Пора бы ему привыкнуть к моему лицу и перестать икать. Но он головой покачал и согласился:

– Да, за тобой, пожалуй, только самолет...

Военврач сам не понимал, что недалеко от истины, и я его не обманывал. Причиной посылки самолета явилось как раз мое лицо, с которого кровь уже оттерли, хотя наверняка и не полностью. Там, в Москве, похоже, желают срочно убедиться, что лицо у меня не сильно пострадало. Для них это более важно, чем история с попыткой взорвать мой взвод. Покушение, несомненно, готовилось не на меня лично, а на солдат. Меня можно было спокойно уничтожить выстрелом снайпера...

* * *

Перед выездом машины на летное поле к самолету военврач сделал мне укол и сразу распрощался с пожеланием всех недостающих в жизни благ. Лететь со мной он не намеревался, поскольку в медсанчасти бригады помимо него был только один хирург, и тот малоопытный. Оставлять больных и травмированных без присмотра нельзя. Так сам капитан сказал на прощание, хотя я не хуже его знал, что в медсанчасти палаты пустуют, раненых у нас не держат, они в госпитале лежат там, где ранение получили, больных у нас почти не бывает, а травмированные обычно появляются только среди молодых солдат после прибытия пополнения. Через месяц молодые солдаты уже получают определенный навык и умеют избегать травм. Но спорить с капитаном я не стал. Не тот он попутчик, с которым можно приятно коротать время перелета.

Санитары стали перегружать меня в самолет вместе с носилками. Укол начал действовать на мою израненную сущность до того, как самолет взлетел. Судя по тому, что шприц заполнялся из ампулы, а не использовался привычный шприц-тюбик, это был не парамедол.

Возможно, укол парамедола сделали солдаты еще до перевязки. У меня уже мелькала мысль, что мое путешествие сквозь тоннель и выше было вызвано уколом какого-то обезболивающего наркотика, то есть что это было простое наркотическое видение, хотя мне и раньше доводилось парамедолом пользоваться, и видений не было. Но второй укол, видимо, более сильный по составу, просто отключил от действительности, безо всяких путешествий. И я даже момент взлета самолета не почувствовал, как и самого полета. Благополучно проспал и момент приземления, и доставку моего брэнного тела в госпиталь экстренной хирургии, где за меня сразу «принялись». Наркоз наверняка сделали. Надеюсь, руками профессионального анестезиолога.

Короче говоря, в себя пришел уже после операции, проснувшись под утро в госпитальной офицерской палате. Был я весь не только забинтованный, но и местами загипсованный, причем гипс казался мне тяжелее бронежилета, который всегда можно снять. Гипс же по своему желанию не бросишь рядом с госпитальной кроватью, когда он тебе до омерзения надоест. Мне он надоел до омерзения сразу, как только я в сознание пришел. Он элементарно мешал дышать, поскольку сковывал многие мои члены, через плечо переходил со спины на грудь, и держал мою согнутую в локте загипсованную руку перед грудью. Это значило, что у меня повреждено плечо, скорее всего, кости плеча в верхней его части. Такая фиксация руки гипсом в просторечье называется «вертолетом». Не знаю уж почему. Внешне, кажется, ничего похожего на вертолет не наблюдается. Но мне было не до раздумий о происхождении термина. Слегка тошнило после наркоза. Состояние, как с жутчайшего похмелья. И все тело в придачу ныло и болело, что, впрочем, вполне естественно, если учесть, что сначала получил полный карман ранений, и даже клиническую смерть незаметно для всех пережил, а потом был отдан на растерзание эти хищным птицам – хирургам. Кромсали меня – могу только представить, как. Но ничего этого уже не видел даже сверху и экскурсий за пределы своего тела не совершал. Врачи меня, скорее всего, слегка побаивались, как и большинство других людей, не привыкших каждый день видеть мое лицо.

Попытался осмотреть палату. К удивлению, это почти удалось, хотя производить осмотр из положения лежа было сложно. В дополнение ко всему, идущий через спину еще влажный пласт гипса натирал шею при каждом повороте головы.

Собратьев по несчастью рассмотреть не удалось. Увидел лишь, что в палате четыре кровати вместе с моей, и все заняты. Будить общество и сообщать о том, что я проснулся, намерения не было. С больными следует быть сдержаннее и осторожнее и не сразу демонстрировать им свое лицо, а то обвинят потом в неумышленном причинении вреда здоровью и без того заведомо нездоровых людей. Это тоже, кажется, какая-то статья Уголовного кодекса.

Чтобы отдалить себя от боли во всем теле, а боль эта после окончания действия наркоза неизбежна, как подсказывал мне опыт прошлых ранений, стал вспоминать свое путешествие в тот мир, через тоннель. И опять почувствовал обиду за обман. Там было так хорошо, красиво и спокойно, что здешняя жизнь, даже жизнь без ранений, казалась мне серой и скучной, почти мучительной. Меня словно бы поманили чем-то приятным, а потом отказали в предоставлении обещанного. С ощущением обиды я уснул, быстро устав бороться с болью. Но организм сам знал, как с ней бороться, и даровал мне сон. Мирный и спокойный. Но сон мой был прерван, видимо, чьей-то волей. Меня трогали за то плечо, что не было заковано в гипс. Я открыл глаза.

– Он проснулся, – сказала незнакомая медсестра куда-то себе за плечо. Явно не мне сказала. Увидел за спиной медсестры трех человек в белых халатах, накинутых на плечи. Что-то у меня, похоже, со зрением было не в порядке, потому что пришлось глаза фокусировать, чтобы эту троицу рассмотреть. У двоих из-под халатов нескромно выглядывали бриджи с генеральскими лампасами. Лица генералов были мне незнакомы. Третьего узнал, хотя

видел всего один раз мельком, когда он нашу бригаду посещал. Это был командующий войсками спецназа ГРУ полковник Мочиллов.

Несмотря на мешающий гипс, попытался лежа вытянуться по стойке «смирно». Должно быть, мои старания были замечены, потому что один из генералов на мои телодвижения отреагировал:

– Вольно, старлей, вольно. Не шевелись и не нагружай свое здоровье лишними проблемами. У тебя их и без того хватает.

– Я просто удивляюсь, какое сходство! – сказал второй генерал.

– Старались найти, товарищ генерал, – усмехнулся полковник Мочиллов. – Трудная задача, но общими усилиями справились.

– Да, теперь дело за врачами. Мы, я думаю, не будем здесь обсуждать наши вопросы, – сказал первый генерал, вальяжно развернулся и двинулся к выходу, животом вперед. Второй генерал пошел за ним, циркулем переставляя худые ноги. У первого генерала лампы на бриджах были ярко-голубого цвета – значит, представляет ФСБ, у второго обычные общевойсковые, красные. Можно предположить, что он или из ГРУ, или просто из Генерального штаба.

Полковник Мочиллов подмигнул мне и, чуть наклонившись, потрепал по левому плечу.

Мне говорили, что важные органы не повреждены. Через три дня после первой операции узнал, что мне удалили треть печени. Врачи вообще любят что-то удалять. Но они оправдывались тем, что спросить у меня разрешения у них возможности не было. И утешили. Печень, оказывается, обладает способностью возрождать утраченные клетки. Хирурги пообещали мне, что печень вырастет почти новая. Главное, чтобы она не выросла больше своих естественных размеров. И потому мне запретили пить не только пиво, но вообще все, что крепче воды. Даже соки не рекомендовали, потому что некоторые из них могут на печень воздействовать. Но я соки и без того не пью, пиво тем более. И без водки проживу. Но этот вопрос только через три дня, повторяю, встал. А до этого командующий пожелал старшему лейтенанту Котовскому, то бишь мне:

– Постарайся быстрее на ноги встать, Платон...

– Постараюсь, товарищ полковник. Если очень нужно. Не повезло...

– Очень, Кот, нужно. Очень. А относительно везения – спас своих солдат, это большое везение. Я смотрел фотографии с места происшествия. Пакет высоко висел. Не каждый баскетболист допрыгнет. А ты допрыгнул. Не знаю как, но ты сумел. И большое тебе за это спасибо от всех матерей, сыновей которых ты защитил. Знаешь, кто тебя взрывал?

– Перед взрывом я видел машину с регионом «07» в номере.

– Кабардино-Балкария...

– Да. Есть подозрения?

– Может быть. В отделение МВД после взрыва позвонил какой-то человек, представился Казбеком. Обещал еще не менее десятка взрывов в разных городах. Слышал что-нибудь про Казбека? Не про гору, про человека.

– Это распространенное имя.

– Конфликтов с подобными не имел?

– Нет.

– Ладно. Его ищут, вычисляют. Нам остается только ждать...

Глава первая

Обманывать начальство, я понимаю, нельзя, но если это делаешь непреднамеренно, то, пожалуй, время от времени можно. Тем более, если к тому есть объективные предпосылки. Я очень старался выздороветь, помня, что командующий просил меня это сделать, но врачи имели относительно моего здоровья собственную точку зрения, сделали за две недели три операции. И это затянуло процесс выздоровления. Правда, даже загипсованный и забинтованный, я каждый день делал, не вставая с кровати, статическую гимнастику, чтобы кровь по организму разгонять и не давать мышцам превратиться в половые тряпки. А через два дня после третьей операции уговорил медсестру. Она принесла в палату стойку-держатель от капельницы, поставила в пяти метрах от меня и подвесила к стойке развернутый газетный лист с нарисованной красным фломастером поясной мишенью. Потом принесла целую магазинную упаковку обыкновенных шариковых авторучек. Я просил, чтобы купила самые дешевые. Принесла подходящие. И я день тренировался с левой, рабочей руки, не заблокированной. Бросал авторучки в подрисованные глаза мишени. Из положения лежа на спине метать было несподручно. Благо часть кровати приподнималась для кормления лежащего больного. По моей просьбе кровать привели в боевое положение, и я начал тренироваться. Вообще-то у себя в бригаде я был специалистом по метанию авторучек. Можно сказать, что признанным авторитетом. Но всегда осуществлял метание с правой руки. Здесь пришлось работать левой. И сначала не очень получалось. Только через пару часов занятий выработалась правильная координация движений. Через три часа пришлось на первую газету наклеить еще две и подрисовать мишень. Еще через два часа авторучки насквозь пробивали газетную мишень и опасно улетали в сторону чужих кроватей. У меня образовался целый фанклуб из ходячих больных нашего отделения. Откуда-то принесли старую простыню и заменили газету тряпкой. Тряпки хватило на час. Тогда принесли одеяло. К обеду следующего дня авторучки стали втыкаться в одеяло.

– Как ты, старлей, умудряешься? – удивлялся сосед по палате, бронелобый³ подполковник, которому танк по ступне проехал. Ногу подполковнику восстановили, но пообещали при этом, что хромать перестанет только после смерти. – Ручки же не острые! И были бы еще хоть тяжелые. А то ведь не весят ничего. А в одеяло втыкаются...

Подполковник, видимо, был человеком, который от природы любит всему удивляться. И даже радовался своему удивлению. Есть такой тип людей. Они обычно бывают приятными в общении, и их всегда хочется удивить. Я представляю, как этот подполковник удивился и обрадовался, когда ему сказали, что он хромать перестанет только после смерти. И я не удержался и как-то раз, когда мы одни в палате оставались, рассказал ему о том, что был уже там, куда после смерти отправляются. Подполковник и этому удивился и обрадовался. И долго задавал мне вопросы. И потом еще несколько дней, даже при посторонних, нет-нет, да и возвращался к теме. И мне волей-неволей пришлось и на вопросы других отвечать. И скоро уже мою историю все отделение знало. Надо сказать, что это всех удивляло не меньше, чем танкового подполковника. Заметил, что у некоторых после моего рассказа появились на шее бечевки. Кресты нательные никто напоказ не выставлял, но бечевку спрятать трудно. Так я узнал, что при госпитале имеется часовня, где время от времени проводятся молебны. Но я пока еще относился к категории лежащих больных и потому сходить на молебен не мог. Но здоровье я себе возвращал и даже начал возвращать боевую форму. Пока только с помощью авторучек.

³ Бронелобый (арм. жарг.) – танкист.

– Здесь, товарищ подполковник, особый бросок требуется, – объяснил я бронелобому. – Очень резкий, и обязательно нужно создать авторучке крутящий момент. Чтобы она вокруг собственной оси вращалась. Тогда глаз человеку пробивает сразу. Пять метров – уже убийственная дистанция. Глаз точно выбьет. А если бросать гвозди-двухсотки, гвоздь с десяти метров через глаз в мозг входит.

– Что, и гвозди бросать умеешь? – в очередной раз удивился танкист.

– Гвоздь – прекрасное оружие, – ответил я скромно. – Одним броском снимается часовой противника. У нас в спецназе есть такое правило – все, что может попасть в руку, можно использовать как оружие. И мы солдат учим воевать всем. От остро заточенного карандаша и авторучки до гвоздя и камня. Я в своем взводе однажды устраивал учебный бой двух солдат-контрактников. Они дрались поленьями. Просто взяли по полену и показывали молодым, как можно использовать. Бой был, каких в Голливуде не увидишь. А ведь их орудовать поленом никто не обучал. Импровизировали красиво.

Бронелобый слушал с открытым ртом. Так же слушали и другие. Спецназ ГРУ зарабатывал благодаря моим стараниям заслуженный авторитет. Если бы я не показывал, как пользоваться авторучкой, мне могли бы просто не поверить. А после такой наглядной демонстрации верили.

* * *

Продырявленное одеяло перевернули уже в третий раз, чтобы на месте условной головы не было дыр. Мне принесли полный комплект из десяти авторучек, которые я спокойно и точно «отстрелял», объясняя при этом:

– В боевой обстановке, чтобы бросок был поражающим, всегда следует делать основательный замах. Еще лучше бросать ручку в прыжке, вместе с броском сокращая дистанцию. Но, в принципе, мы отрабатываем такие броски и лежа на спине. Это как вариант применения.

– Хороший вариант для госпитального полигона, – раздался низкий голос от двери.

Я повернул голову.

В дверном проеме стоял какой-то крупнотелый, как мастодонт, лысый офицер в накинутом на плечи медицинском халате, который смотрелся на нем косынкой, позаимствованной у медсестры, поскольку на такие плечи нужно было не меньше тридцати трех обычных халатов. Рядом – заведующий отделением.

– Ох, высчитаю я с вас за порчу одеяла... – в который уже раз пригрозил заведующий отделением. – Попрошу всех очистить палату. К старшему лейтенанту Котовскому гость по служебному вопросу. Соседей тоже попрошу прогуляться...

Все три соседа у меня, к счастью, были ходячими, и вывозить кого-то вместе с кроватью необходимости не возникло. Впрочем, вывозить, если бы такая необходимость все-таки появилась, было бы в любом случае не мне.

Не знаю, каким образом, но в мастодонте я сразу определил своего визитера, еще до предупреждения заведующего. И даже подумал, что он представляет диверсионное управление ГРУ. Хотя мог бы представлять, возможно, и агентурное управление. Как я понял, моя персона интересует широкие круги засекреченного общества. Но в одном я был уверен точно, этот мастодонт не из ФСБ. Глаза у него слишком бесхитростные и вдумчивые. У офицеров ФСБ таких глаз не бывает.

Палата очистилась достаточно быстро. Все-таки госпиталь армейский, а в армии привыкли приказы выполнять сразу, как только они озвучиваются. И потому через минуту в палате остался я с мастодонтом и заведующий отделением. Впрочем, заведующий задал лишь один вопрос:

– Я вам еще нужен?

– После разговора со старшим лейтенантом Котовским к вам в кабинет загляну и кое-какие вопросы обсудим.

– Буду ждать, – заведующий понял, что его мягко продвигают в определенном направлении, и отнесся к этому почти с трепетом. Вышел, аккуратно и плотно закрыв за собой дверь.

– Полковник Михайленков, – представился мастодонт, любовно погладил себя по лысине и добавил: – Я в ведомстве полковника Мочилова служу. В ближайшие несколько месяцев контактировать будете напрямую со мной. Пока работаете по федеральному заданию. Это я за вами самолет посылал, правда, надеялся, что доставят вас в целостности и сохранности. Но я понимаю, не ваша вина в случившемся, а проявили вы себя в той ситуации молодцом. Вас к награде представили. Вы в курсе?

– Ровно настолько же, насколько в курсе нового задания.

– Полковник Звенигородский написал представление. Документы уже отправлены в Администрацию Президента. Не думаю, что могут быть какие-то возражения. А разве Звенигородский с вами не разговаривал по поводу нового задания?

– Разговаривал... Почти... – попытался я назвать разговором то, что разговором двух сторон ни в коей мере не было. – Товарищ полковник с начальником штаба бригады подполковником Велеречивым меня долго рассматривали, сравнивая с какой-то фотографией, убедились, что есть большое сходство, пытались в том же меня убедить, но не убедили и потому просто приказали стать похожим. И сообщили, что за мной самолет пришлют. Это все, что я знаю о задании. Да, еще комбриг состоянием моего желудка интересовался.

– А что у вас с желудком?

– Все в порядке с желудком.

– А с чем не в порядке?

– Наверное, с железяками, если мне их не все из тела вытащили. Три операции уже провели. Боялись, что, если все сразу будут вытаскивать, не выдержу.

– На ваше лечение в госпиталь перевели из других госпиталей двух лучших военных хирургов. Они обещали поставить вас на ноги быстро.

– А пересадить мне чужую печень, товарищ полковник, они не обещали?

– Говорят, что и ваша скоро восстановится. Правда, этот процесс у всех по-разному происходит и потому что-то предсказывать рискованно. Думаю, вы сумеете свою печень заставить расти быстро. Однако до этого вам следует пройти усиленную подготовку.

– Боевую? – переспросил я с легким юмором. – Готов попробовать, если мою кровать переоборудуют в инвалидную коляску. Или хотя бы колеса приладят и весло дадут, чтобы от пола отталкиваться.

Полковник юмор не оценил. Может, просто не настроен был на шуточный тон, на который я всегда настроен, с рождения. С моей физиономией ничего больше не остается, как постоянно в таком тоне пребывать.

– В первую очередь вам следует основательно восстановить свои навыки английского языка. С американским произношением. Вы, кажется, когда-то английским владели, но произношение оксфордское. Так, по крайней мере, в вашем личном деле написано.

– Относительно оксфордского произношения там сказано ошибочно. Произношение у меня рязанско-тамбовское. Хотя язык и английский. Просто курс, который я проходил, называется оксфордским. Но это мало что значит.

– Вам сегодня к вечеру доставят из Японии специальную кровать с электроуправлением. Ездить на этой кровати даже по госпиталю вы не сможете – кровать не имеет системы управления, и возить ее можно, только управляя движением со стороны. Посторонний то есть человек требуется. Но вот менять положение тела там удобнее, чем на вашей кровати.

Причем все будете делать сами, по своему усмотрению, нажатием кнопок. А завтра, если вы, Котовский, не возражаете, к вам прибудет преподаватель английского языка. Будете заниматься по часу в день. Если сможете, то и по два часа. Не стесняйтесь загружать преподавателя. Ей оплачивается полный рабочий день. Восемь академических часов. Только себя не перегружайте. Сами контролируйте свое состояние. Комплект аудиоуроков преподаватель оставит вам вместе с планшетным компьютером. Там же есть и видеоуроки. Но к ним вы приступите, как я понимаю, чуть позже. Сначала освоите разговорную речь. Для занятий вас вместе с кроватью будут вывозить в ординаторскую комнату. А через три дня освободится генеральская одноместная палата, и вас туда переведут. Не придется вас утомлять переездами. Для общения с внешним миром на английском вам в палату поставят модем-роутер, который будет создавать здесь зону Wi-Fi. Практика вам понадобится. С переездом и роутер перенесут в генеральскую палату. И это только начало. Потом будете в дополнение к английскому изучать арабский язык. Поверхностно. Как среднестатистическому американцу с посредственными умственными способностями. Я допускаю, что и американцы бывают умными не только тогда, когда дело касается денег. Но те люди, с которыми нам придется работать, к ним не относятся. Они именно – среднестатистические американцы...

– Я готов, товарищ полковник, – бодро согласился я. – Тридцать три раза готов.

– Постарайтесь на английском эту свою присказку не произносить. Совет, а не приказ. Но совет настоящий.

– Понял. Не скажу, что тридцать три раза понял. Но смысл уловил, товарищ полковник.

– Теперь о вашем здоровье. Специально для вас постаралась Служба внешней разведки. Через свою агентуру наши коллеги добыли в Китае препараты, которые китайские спортсмены использовали при подготовке к Олимпийским играм в Пекине, когда они весь мир своими результатами удивили. По большому счету, это тоже допинг, хотя врачи и говорят, что не совсем. Они относят препараты к стимуляторам физической активности. Что-то на основе женьшеня, пантов и тутовника и еще кучи диковинных растений из китайской флоры. Рецепты известны в самом Китае тысячелетия, но доступны только избранным. Не забудьте, что при употреблении препаратов возможна передозировка. Но человек, который вам их доставит, все объяснит лучше меня. Если не перебарщивать, вы восстановитесь быстро. Препараты, говорят, способны творить чудеса. А теперь я задам вам, Котовский, вопрос.

– Слушаю, товарищ полковник. Кстати, можете звать меня просто Котом. Я привык. Меня так все в бригаде зовут. Только в особо важных случаях по фамилии. Меня даже здесь, в госпитале, уже некоторые Котом называют...

– Хорошо. Уговорили. Вас, Кот, в вашей ситуации ничего не удивляет?

– Все, товарищ полковник, удивляет. Извините, чуть не сказал, что удивляет тридцать три раза. Едва удержался.

– Сказали все-таки, только в завуалированной форме. Но ладно... Сразу отвыкнуть невозможно, но постараться следует. Итак... О чем я? А, об удивлении...

Самолет из Москвы для старшего лейтенанта... Не за каждым генерал-лейтенантом самолет пошлют. А за Котом послали. Это нонсенс. Второй нонсенс – специальная госпитальная кровать из Японии. Таковую до вас доставляли только президенту, когда он спину травмировал. Вы, Кот, второй по счету человек в России, ради которого доставляется подобный груз из Японии. Третий нонсенс – препараты из Китая. Глубоко засекреченные препараты. Их, кстати, даже президенту еще не доставляли. Тоже специально для Кота.

– Понимаю.

– Что на это скажете, Кот?

– Хочется тридцать три раза мяукнуть. Извините за «тридцать три». Как это сказать по-английски, не знаю, значит, на английском и говорить так не буду, товарищ полковник.

– Пора бы уже и на русском отвыкать. Это – ваша особая примета. А нам, в разведке, особые приметы не нужны. Разве что...

– Разве что? – прервал я его звучную артистическую паузу.

– Разве что по необходимости. Какая-то особая примета. Опознавательная. Например, татуировка. Для идентификации личности.

– Да, кстати, относительно татуировки. Между полковником Звенигородским и подполковником Велеречивым в моем присутствии заходил о ней разговор. Я не понял, какое это имеет отношение ко мне. Хотя кое-что ясно...

– А что вы поняли?

– То, что буду должен в какой-то ситуации заменить человека с татуировкой. Показалось, что мы не настолько похожи лицами, чтобы не заметить подмены.

– Я сам видел того человека только на фотографии. А фотография часто искажает истину. И потому категоричным быть не решусь. Но надеюсь, что вскоре вам предстоит с этим человеком встретиться.

– Кто он такой?

– Капитан. Капитан американской армии Роберт Стивенс Лосовски. Командир особой испытательной группы в составе спецназа DARPA⁴. Знаете, что это такое?

– Слышал.

– Хорошо. Кстати, когда вам доставят планшетный компьютер и поставят в палату модем-роутер, попытайтесь прочитать в Интернете все, что найдете, про психотронное оружие. Не спутайте с психотропным.

– Ни то ни другое применять не довелось. Даже не догадываюсь, с какой стороны у подобного оружия мушка, с какой приклад. И есть ли там спусковой крючок.

– И отлично. Разницу видите, значит, поймете и остальное, когда вам объяснят.

– Мне предстоит против этого работать?

– Я бы не так вопрос поставил. Если быть точным, вам предстоит *с этим* работать. Будьте готовы. Есть конкретные вопросы?

– Есть, товарищ полковник. Какое отношение имеет ко всему этому мой желудок?

– Мы пока точно и сами не знаем. Но у нас есть данные, что группа капитана Лосовски проходила длительное тестирование на устойчивость к диарее. Знаете, что такое диарея?

– Понос.

– Вот-вот. Из-за этого двух постоянных партнеров капитана по группе вынуждены были сменить. У них желудки оказались более слабыми, чем это необходимо. Не прошли полное тестирование. Сам капитан и еще один член его группы тестирование прошли благополучно. Да, я не сказал, что группа состоит из четырех человек вместе с капитаном. Вы тоже, Кот, получите трех помощников, но пока мы смогли только одного подобрать. Из группы самого Лосовски. Это сотрудник Службы внешней разведки. Одновременно он же – хорошо подготовленный американский спецназовец, сержант. В американской армии сержант выполняет функции нашего лейтенанта. Только, как правило, более опытный. Сержантская должность соответствует должности нашего командира взвода. Двух других будем искать среди молодых офицеров. Вполне возможно, что и не из спецназа...

Я попытался руку в гипсе поднять, словно защититься от такого предложения. Полковник мою попытку уловил, жест понял и, опасаясь, видимо, за судьбу моего гипса, проговорил:

– Понимаю, понимаю ваше возмущение. Но вам будут необходимы технически грамотные специалисты. Вы просто ничего не сумеете без них сделать.

⁴ DARPA – Управление перспективных военных технологий и исследований Пентагона.

– Проще обезьян выдрессировать, то есть научить работать с техникой, чем брать на задание технического специалиста, – сказал я. – Извините, товарищ полковник. Мне однажды навязали такого попутчика, причем имеющего спортивную подготовку, и больше половины дороги солдатам пришлось его, по сути дела, на себе нести. А если в маленькой группе из четверых будет двое специалистов, то двум другим нужно иметь особую физическую подготовку. Боюсь, такая группа небоеспособна.

– Не переживайте. Их будет кому на себе таскать. По крайней мере, часть задания вам предстоит выполнять в окружении большого числа людей.

– То есть? Кому таскать? Каких людей?

– Бандитам, к которым мы вас намерены отправить.

Еще одна новость, не самая приятная, хотя и не такая, чтобы я сразу после нее стал писать рапорт об отставке. Давно не люблю бандитскую компанию. И обычно предпочитаю рассматривать ее через прицел автомата. Но я человек военный и потому старательно подавил в себе недовольство. И даже легкую браваду показал:

– Нельзя ли чуть подробнее ввести меня в курс предстоящей операции, товарищ полковник? Может, у меня здравые мысли появятся...

– Оперативный отдел совместно в ФСБ и СВР операцию еще разрабатывает. Как только будут вырисовываться общие контуры, вас пригласят для детализации. Будьте, Кот, уверены, что ваш опыт без внимания не оставят. Все варианты вместе с вами обсудят, и вы вместе выберете наилучший. Еще вопросы есть?

– Есть.

– Слушаю.

– Татуировка. Никак нельзя без нее обойтись?

– Татуировка – это ваша идентификация. Без нее не получится.

– Жалко. Не люблю я эти штучки...

– Но и переживать, думаю, не стоит. Татуировка будет временная. Через год она сама сойдет. Может быть, отдельные штрихи на какое-то время задержатся, но позже сойдут тоже. При таких татуировках применяется особый состав краски. Это распространенный вариант. Даже в быту. Одна татуировка надоест, сделают другую. Можете, старлей, не переживать за свое тело. Через год оно очистится. Останутся только шрамы, но шрамы боевые, а не от татуировки.

– Спасибо, товарищ полковник, утешили...

– Все вопросы разрешили?

– Последний остался. Вы не могли бы попросить, чтобы позвали ко мне священника. Здесь, в госпитале, часовня есть, регулярно молебны проводятся. Пусть священника пригласят и дадут нам возможность наедине поговорить.

– Вы, Кот, разве настолько плохи, что исповедоваться желаете?

– Я, товарищ полковник, достаточно здоров, чтобы через неделю начать первый после ранения марш-бросок. Может быть, не слезая с кровати. Но у меня там, в поселке, в момент ранения была клиническая смерть. И я побывал на том свете. Не улыбайтесь. Я там кое-что увидел.

– Я и не улыбаюсь. У меня нет оснований вам не верить.

– Вот. И хочу обсудить это со священником. И исповедоваться тоже хочу.

– Не знал, что вы верующий. В вашем личном деле ничего об этом не сказано.

– А вы – атеист?

– Когда я в вашем, Кот, звании летал в Афган, нас перед посадкой в самолет тщательно обыскивали. Так мы нательные крестики под обложку партбилета прятали, чтоб не нашли. И только в Афгане надевали их на шею. Я попрошу, чтобы священника позвали...

Глава вторая

Костер горел большой и высокий. Те, кто развел его, не экономили дрова, такие редкие в этой горной местности. Местные жители предпочитали вместо топлива использовать верблюжий навоз. Тепла он давал гораздо больше, чем любые дрова, а в большом пламени местные жители удовольствия не видели. Но военнослужащие сил НАТО любили большие костры. Может быть, им казалось, что так безопаснее. Хотя безопасность эта была лишь видимой. Инстинкт пещерного человека, глубоко-глубоко сидящий в каждом из людей, пробуждался и подсказывал, что большой костер сродни спасительному свету. Однако в действительности костер освещал только незначительное пространство. И люди у костра видели мало вокруг себя, зато их видно было хорошо. Может быть, для пещерного человека костер и был спасительным средством от хищников. Но к современным людям у большого костра вполне мог подойти хищник гораздо более опасный, нежели дикий зверь, – другой человек.

У костра сидели трое унылых афганских полицейских. Унылость в рядах полиции и армии чувствовалась уже давно, со времени объявления о скором бесславном выводе из Афганистана сил НАТО. Все помнили, что было с полицейскими и с армейскими офицерами правительства, когда вывели советские войска. Тогда общее население страны резко уменьшилось с одновременным увеличением количества сытых ворон. И легко было допустить повторение ситуации. Каждый из полицейских думал о своей участи, об участи своей семьи и искал возможность стать перебежчиком. Мысленно искал. А как не искать, когда жить хочется...

Еще несколько человек у костра явно не афганцы. Четверо носили форму United States Marine Corps⁵ и гордо называли себя словом «марины». Двое были в камуфлированных костюмах, но без погон. Между собой они разговаривали по-итальянски. Эта парочка представляла собой итальянское отделение Интерпола. И еще двое были английскими вертолетчиками, чья грузопассажирская машина стояла неподалеку в темноте, охраняемая еще одной парой полицейских и механиком BBC Великобритании.

Костер развели в стороне от глинобитных дувалов⁶ кишлака. Понимали, на открытом месте вроде бы находиться опасно. Талибы вообще словно бы из-под земли возникают. Словно на запах врагов слетаются.

Но во дворе любого дома еще опаснее. Талибы могут подойти незаметно со всех четырех сторон. И использовать дувал вместо бруствера. Уложат на глину стволы автоматов и попросту расстреляют. Потому расположиться на ночлег решили за пределами кишлака, который не считался спокойным. Когда затронуты важные финансовые вопросы, местные жители будут поддерживать ту сторону, которая им выгодна. Но талибы, если захотят прийти, никого из местных жителей и спрашивать не будут, просто придут, и все. И дело свое сделают, независимо от того, где расположится группа, в кишлаке или за его пределами. Единственное, что может талибов смутить, это большой костер. Как все партизаны, они боятся ловушек. И считают, что натовцы должны вести себя предельно скромно, чтобы никому свое присутствие не демонстрировать. И костер должны развести маленький, незаметный издали. А если костер такой большой, что его с соседнего хребта видно, то это очень похоже на умышленное привлечение внимания. На ловушку... Талибы могут в такую ловушку не пойти.

⁵ United States Marine Corps – корпус морской пехоты США.

⁶ Дувал – забор, чаще всего глиняный или саманный.

Относительно большого костра распорядился Marine First Lieutenant⁷ Грофф. И с присущим ему фатализмом дремал, сидя у костра. Непокойно себя чувствовали только английские вертолетчики. Они вообще ничего не боялись в воздухе, но на земле демонстрировали свою неуверенность и даже не стеснялись этого. Неуверенность выражалась во множестве вопросов, задаваемых афганским полицейским. И все вопросы касались талибов ...

Полицейские английским языком владели слабо и объясняли англичанам весьма сбивчиво и неуверенно.

Итальянские офицеры Интерпола были более спокойны. Они уже несколько раз до этого летали сюда в командировки, знали, как их обманывают, и молча соглашались с этим обманом, потому что предпринять ничего не могли, а отчетность им тоже требовалась.

В середине ночи, когда у костра уже все если не спали, то просто дремали, к Гроффу пришел местный житель, с которым лейтенант общался еще днем. Они отошли в сторону и около пяти минут беседовали. Потом местный житель удалился, а Грофф вернулся к костру и улегся на свое нагретое место на потертом одеяле. Объяснять и рассказывать, о чем он говорил с местным жителем, не стал. Хотя итальянские международные полицейские, когда Грофф вернулся к костру, сели и смотрели на него, ожидая каких-то слов.

Но уж этим полицейским лейтенант Грофф тем более ничего говорить не собирался, разговор шел именно о них...

* * *

Группа прилетела в кишлак с конкретным заданием. Командование должно было вскоре отчитаться о своей борьбе с местной наркомафией, как громко именовались в документах обычные дехкане, выращивающие мак и перерабатывающие его в героин. Впрочем, если по справедливости, назвать простых дехкан наркомафией было сложно. Героин они, конечно, производили и свои маковые поля готовы были отстаивать с оружием в руках, но считать их настоящей мафией было смешно любому, кто имеет понятие о том, что такое мафия. Однако в отчетах командования дехкане именовались именно так, хотя от этого не стали настоящей мафией и не собирались, кажется, ею становиться. Они понятия не имели о взаимоотношениях людей в том большом мире, откуда пожаловали натовские войска, и жили просто своей обычной жизнью, выращивая то, что давало им возможность прокормить семью. Хотя, по большому счету, эти дехкане и были первым и основным звеном международной наркомафии, питающим ее своей продукцией, вызывающим целые войны между мафиозными кланами, картелями и наркополицейскими.

Война с владельцами маковых полей, конечно же, давно назрела, и большой мир требовал этой войны, желая защититься. При этом никто не желал считаться с тем, что американскому командованию невыгодно было устраивать войну с местными производителями героина.

В войне против талибов натовцы получали от производителей героина поддержку. А сами в ответ на это закрывали глаза на многие дела местных жителей. Лейтенант Грофф уже в третий раз вылетал на такую операцию. И все должно было пройти по отработанному сценарию. Он был только конечным исполнителем, из тех, кто не задает лишних вопросов. А это значило, что у командования Грофф на хорошем счету. Сама операция была предельно проста. Кто-то договаривался с жителями кишлака. Те готовы были пожертвовать одним отдельно взятым и отдельно стоящим маковым полем. Как правило, самым хилым и малоурожайным. Владелец поля за это выделяется компенсация другими владельцами полей. И это поле подлежало уничтожению в присутствии наркополицейских из Интерпола. Именно

⁷ Marine First Lieutenant – первый (старший) лейтенант морской пехоты.

это предстояло выполнить группе с рассветом. Вертолет снаряжен ракетами с напалмом. Поле будет расстреляно этими ракетами и полностью сгорит. В напалме даже верхний слой земли сгорает. Трудно сказать однозначно, как это повлияет на урожайность в следующем году, но в текущем на сожженном поле даже трава расти не будет...

* * *

Парни из Интерпола проснулись и сели. Закурили.

– Сейчас бы кофе. Утро скоро...

Готовить кофе на костре лейтенант Грофф не умел, хотя кто-то из его солдат, кажется, умудряется какую-то гадость варить. Но запах костра забивает аромат кофе. И потому Грофф всегда предпочитал пользоваться термосом. И в этот раз он вытащил из своего рюкзака термос и протянул итальянцам. У этих ребят из Интерпола оказались при себе маленькие раскладные стаканчики, которые они тут же наполнили и вернули термос Гроффу.

Проснулся один из афганских полицейских. Вытащил сигарету и зажигалку. Попытался закурить, но в зажигалке, видимо, кончился газ. Она громко щелкала в ночной темноте, но пламя не появлялось.

– А разве Коран разрешает мусульманам курить? – спросил один из итальянцев, протягивая афганцу свою зажигалку.

– Скажи: «Поистине, запретил господь мой только непристойные поступки, как явные, так и тайные». Коран, сура «Аль-А'раф», тридцать третий стих, – хмуро ответил афганец, цитатой показывая знание Корана. – Скажите мне, в какой суре есть запрет на курение? Где курение называется непристойным поступком? Я лично такого не встречал.

Он прикурил от зажигалки итальянца, а свою бросил в костер, встал и быстро пошел в темноту. Никто не спросил, куда полицейский направился. Мало ли по какой нужде человеку отойти нужно.

Грофф налил себе кофе в крышку термоса и успел сделать глоток, когда услышал, как внизу, в районе вертолета, разрывая темноту и тишину, раздалось несколько хлестких автоматных очередей. И почти тут же увидел, что со стороны, в которую удалился афганский полицейский, что-то прилетело и упало прямо в костер. Тут же в костре раздался взрыв. Взорвалась, конечно, не зажигалка афганского полицейского, хотя она тоже могла, наверное, взорваться остатками газа. Этот взрыв был такой силы, что разметал по окрестностям горящие головешки и угли. И людей отбросил от костра в разные стороны. Те, кто сидел – итальянцы и Грофф, так и не поднялись. Не поднялся и лежащий рядом с костром второй афганский полицейский. Но остальные, кто лежал чуть дальше, остались невредимыми и вскочили на ноги. Но тут же автоматные очереди заставили их залечь. Одновременно ожесточенно стреляли и в стороне, причем даже из крупнокалиберных вертолетных пулеметов. Видимо, нападение было совершено и на английский вертолет. Два афганских полицейских и английский механик приняли бой.

Сержант Прицолла, главный помощник Гроффа, дважды оглянулся на своего командира, ожидая, что тот хоть какую-то команду подаст. Но Грофф лежал на спине, раскинув в стороны руки, молчал, не шевелился и вообще признаков жизни не подавал. Тогда опытный сержант, по национальности мексиканский индеец, от природы хладнокровный и никогда не теряющий присутствия духа, громко рявкнул:

– Слушай мою команду. Ползком сдвигаемся к вертолету. Может, успеем, его еще не захватят. За мной!

И дал две короткие очереди в фигуры, что из темноты бежали в сторону костра. Очереди оказались точными. Фигуры на бегу сложились и ткнулись в землю.

Трое морских пехотинцев за секунды выбрались из зоны, освещаемой остатками костра. Правда, легкое освещение в ночи давали разлетевшиеся в разные стороны головешки, однако этого света было недостаточно, чтобы показать, куда натовцы сдвигаются.

А вот у английских вертолетчиков не было навыков передвижения ползком. И один из них, высоко задиравший увесистый зад, тут же получил туда пулю, если не несколько. Второй вертолетчик слышал его вопли, но не остановился. Опасность заставила его просто вжаться в землю и ползти не по-пластунски, как ползают все спецназовцы в мире, а извиваясь, как змея. При этом полз англичанин на удивление быстро. Неумело и быстро. Страх заставил его, видимо, научиться ползать так, как человеку ползать не дано от природы.

– Сержант, сэр, что с лейтенантом? – спросил рядовой Рейциг, замерший рядом с Прицоллой, когда стрельба на какое-то мгновение стихла.

– Что бывает с человеком без бронежилета, если в пяти футах от него граната взрывается. Хочешь вернуться, посмотреть?

Они отползли уже на добрые два десятка шагов.

Сержант говорил грубо и с насмешкой. Он вообще был человеком недобрым. И рядовой промолчал. Желания вернуться к разбросанному взрывом костру он не испытывал. Хотя там еще один человек оставался живым. Второй английский вертолетчик извивался по земле и визжал по-бабьи.

– Не люблю англичан, – сказал, глянув через плечо, сержант Прицолла. Сам он, как всякий индеец, был равнодушен к собственной боли и всегда считал, что другие должны к ней относиться точно так же. А если не относятся, то это только из-за хлипкости характера. – Перебежками по одному, вон за тот бугор, потом к вертолету. Остальные прикрывают. Рейциг, вперед!

Рядовой побежал, пригибаясь и меняя направление бега. Несколько автоматных очередей из темноты все же пытались его выбросить из жизни, но Рейциг дистанцию преодолел и благополучно залег среди камней на бугре, о чем и сообщил сразу:

– Я в порядке, сэр. Следующий! Прикрою...

Сам сержант Прицолла успел дать две очереди из своей автоматической винтовки по вспышкам, когда стреляли в рядового. Кажется, одну из вспышек он погасил навсегда.

– Сержант, может, лучше в кишлак, за заборы? – предложил английский вертолетчик.

Голос англичанина откровенно дрожал, и слова вибрировали в ночном воздухе. По его испуганным движениям, суевливым и ненужным, только выдающим его присутствие в этом месте, сержант без труда догадался, как сильно хочет жить этот английский офицер и из-за своего желания не в состоянии понять, что может ему продлить жизнь, а что может отнять ее. Прицолла понял, что англичанин уже готов вскочить и бежать в сторону кишлака, не сознавая, что тут же получит в спину несколько автоматных очередей. Человеку свойственно бояться не самой смерти, а ожидания ее. Пример вертолетчика наглядно демонстрировал эту старую истину.

Но вертолетчик, хотя бы один, был нужен живым. Иначе и сам смысл прорыва к вертолету пропадает. А там, внизу, идет бой. И отчетливо слышна стрельба с двух сторон. Если удастся прорваться, может быть, удастся и улететь. Сам сержант Прицолла когда-то обучался летать на вертолете. У него получался полет. Не очень умелый, но получался. Единственное, чему он так и не смог научиться, это совершению посадки. Когда сержант при посадке разбил вторую машину, его просто с занятий сняли под благовидным предлогом. Посадка ему никак не удавалась. Конечно, можно рискнуть. А там уж, что случится при посадке вертолета, начиненного ракетами с напалмом, сказать трудно. Хорошо бы нашлась какая-то водная гладь, куда можно было бы приводнить вертолет, если придется самому лететь. Но те две горные реки, что лежали по пути от кишлака до базы, гладью не смог бы назвать даже

слепой от рождения человек. Речки были бурными, шумными и даже камни ворочали. А уж вертолет-то сразу закрутили бы, как пустую консервную банку.

Значит, вертолетчик был нужен живым. Хотя бы для того, чтобы подсказал, как напалм сбросить перед полетом. Хорошо бы сбросить на головы талибам. А надеяться на то, что там, внизу, возле вертолета, останется живым механик, не приходилось. Может, и останется. Наверное, это он стреляет из крупнокалиберных пулеметов. Прямо с вертолета, должно быть, стреляет. У вертолета пулеметы мощные, спаренные. И стрелять можно, даже не понимаясь в воздух. И запас патронов в вертолете такой, какой на своих плечах не унести. Такими пулеметами вполне возможно сдерживать противника. Правда, темнота в этой ситуации не помощница. А темнота подступила уже густая, какой она всегда бывает перед рассветом. Продержалась бы группа там, внизу, до рассвета, было бы легче. С рассветом противника будет видно. Тогда появится возможность стрелять прицельно. Пока же длинные пулеметные очереди говорили о том, что это скорее сдерживающая стрельба, чем прицельная.

– В кишлак... – снова предложил англичанин. – Там можно будет спрятаться...

– Там с вас, сэр, местные жители сразу с живого шкуру снимут. Чтобы талибам угодить и себя обезопасить. Только к вертолету! Перебегайте. Быстро. Мы прикроем...

Сержанту хотелось выложить пару-тройку крепких словечек в придачу, но он сдержался. Все-таки этот английский вертолетчик – офицер, кажется, майор. Прицолла привык в армии к субординации и уважал звания даже в рядах союзников.

Вертолетчик, видимо, свою шкуру сильно уважал. А представление о том, как ее снимают с него живого, его подхлестнуло так, что он понесся вдогонку за рядовым Рейцигом так, как ни один спортсмен-спринтер никогда не бегал.

Пригибаться во время перебежки и менять траекторию самого бега, чтобы мешать противнику сделать прицельную очередь, англичанина не учили. Летчики и вертолетчики вообще плохо владеют наземной военной наукой, давно знал сержант Прицолла. Но пули, что свистели вокруг англичанина, только добавляли ему скорости. Он сам бежал как пуля, подгоняемый собственным адреналином, и попасть в него было крайне сложно. И потому вертолетчик благополучно достиг пригорка, за которым уже залег рядовой Рейциг. И тут же присоединился к рядовому, отвечая выстрелами на выстрелы талибов...

– Солиман! Вперед! – дал сержант команду последнему, оставшемуся рядом с ним рядовому «марину». И тот, ожидая этой команды и приготовившись заранее, сразу сделал стремительный рывок. Солиман бежал, пригибаясь и виляя, все выполняя по всем классическим правилам перебежки под обстрелом. Тем не менее пуля настигла рядового в момент приближения к позиции Рейцига и англичанина. Солиман как бежал, так и упал лицом вперед. И темнота не позволяла рассмотреть, шевелится ли он. Прицолла ругнулся, дал несколько коротких злых очередей в сторону талибов, но только лишь в сторону, потому что он не видел, в кого ему стрелять. Талибы, видимо, достаточных сил не имели и потому не атаковали в открытую, а вели обстрел с закрытых позиций.

– Прикрывай! – рявкнул Прицолла, и сам начал перебежку.

В него, казалось, стреляло вдвое больше стволов, чем во всех других вместе взятых. Но так казалось, наверное, каждому, кто перебегал под пулями. Сержант стволы не считал и пытался на бегу рассмотреть, насколько темнота позволяла, пространство перед собой, чтобы не споткнуться и ногу не подвернуть. И так он благополучно достиг упавшего рядового Солимана. И залег рядом, положив на спину рядовому ладонь. И сразу понял, что Солимана уже нет, есть только его тело, закончившее свой земной путь. А к талибам, видимо, подкрепление подоспело. Прицолла отчетливо услышал, как заговорили новые автоматы и вместе с ними ручной пулемет. Пули свистели над его головой, не давая подняться. И слабый заградительный огонь автоматической винтовки рядового Рейцига и пистолета английского

вертолетчика не могли создать необходимую плотность огня для возможности завершения перебежки.

Сержант думал недолго. Приноровившись, он забрался под тело рядового Солимана.

– Извини, Джек... – только и сказал.

Взвалив тело рядового себе на плечи, Прицолла вскочил и побежал. Пули били в безжизненное тело рядового, но насквозь его не пробивали, хотя и Солиман, и сам Прицолла были без бронежилетов. И хотя каждый удар пули в тело грозился сбить с ног и самого сержанта, тем не менее он на ногах держался и преодолел дистанцию до конца. Благо, бежать уже было недалеко. Подоспей к талибам подмога на тридцать секунд раньше, сержант не успел бы до Солимана добраться. При увеличившейся плотности огня его обязательно достали бы талибские пули. Опоздай подмога на тридцать секунд, Прицолла добежал бы и без прикрытия телом погибшего рядового. Убитый рядовой Солиман спас своего сержанта. Теперь оставшиеся в живых три натовца собрались вместе, чтобы соединиться с двумя афганскими полицейскими и механиком английского вертолета, что вели активный бой внизу. Бой там в самом деле был активным. Наверное, талибы подошли близко, несмотря на пулеметный обстрел. Но пулеметы вертолета могут контролировать на земле только фронтально взятый сектор. Талибы, похоже, этим воспользовались...

Глава третья

Человек не злой, я врагу своему тридцать три раза не пожелаю лежать вот так, с рукой на «вертолете» и в гипсе, который дышать мешает. Все сводилось к возможности работать левой рукой. А мне требовалось, чтобы все тело работало. Я так привык. И занимался. Мышцы регулярно, если никто не мешал, напрягал со всей возможной силой, потом резко сбрасывал напряжение, чтобы через десяток секунд напрячь снова. Так я восстанавливал кровообращение в теле, и мышцы старался держать в тонусе по мере возможности. Привыкшее к систематическим большим физическим нагрузкам тело требовало этих нагрузок. Такой способ лечения существует с незапамятных времен. Необходимо регулярно разгонять по организму кровь. Даже мысленно, если нет другой возможности. А свежая кровь всегда быстро лечит раны. Это и были мои физические занятия. Плохо только то, что от сильного напряжения некоторые из моих ран открылись, как сказала мне делающая перевязку жгуче-рыжая медсестра. Но кровотечение было не сильным. Раны все аккуратно или неаккуратно – не знаю, не видел – «заштопаны», и кровь из них могла только сочиться. Такие мелочи не могли меня остановить в занятиях. И я их продолжал. И почувствовал, как оживает мое лицо. Вначале, вскоре после серии операций, у меня даже на лице, как казалось, кожа стала стянутой, жесткой и ломкой – того и гляди треснет. Но по мере занятий кожа стала разглаживаться. И не только на лице, наверное, и на всем теле тоже. Я начал обретать способность улыбаться, но упорно не желал этого делать, чтобы никого не пугать.

Знаменитую японскую кровать привезли даже раньше, чем обещали. То ли с другим самолетом отправили, то ли самолет приземлился на крышу госпиталя, то ли еще какие-то события доставку ускорили. Перекладывали меня санитарка и четверо легкораненых солдат из нашего отделения. Особых проблем не возникло, потому что перекладывали вместе с матрасом и постелью. И тут же вручили инструкцию, распечатанную на принтере. Перевод был компьютерный, следовательно, требовалось приложить максимум усилий и предельно напрячь умственные способности, чтобы понять. С помощью танкиста-подполковника я все же сумел разобраться с инструкцией, и больше интуитивно, чем согласно предписаниям, подключил кровать к электропитанию. На управляющем пульте загорелась зеленая лампочка готовности. С кнопками пульта разобраться было проще, поскольку в инструкции к изображению каждой кнопки прилагались иллюстрации положения кровати. Правда, я и там умудрился сначала ошибиться, потому что после значительной потери крови в результате множественных ранений и еще большей потери крови в результате множественных операций у меня сильно подсело зрение. Это обычное дело при потере крови, как говорил мой опыт предыдущих ранений. В результате, вместо того чтобы поднять спину, я сразу задрал себе ноги выше головы. Хорошо, что рядом с каждой кнопкой для одной манипуляции существовала и вторая кнопка, проводящая манипуляцию в обратную сторону. Таким образом, всего за пять минут тренировок освоил все возможные операции с кроватью. Более того, пользуясь тем, что моя кровать стояла так, что перед ней образовывалось свободное пространство, мог позволить себе свободно подъехать, например, к подполковнику танковых войск. При этом отдавить ему вторую ногу. Но я себе такой серьезной цели не ставил, хотя подполковник при моих попытках покататься отскакивал, насколько ему позволяла загипсованная нога. В мое водительское мастерство он не верил...

* * *

Меня опять же раньше времени перевели в генеральскую палату, так быстро освободившуюся. То ли генерал поторопился выписаться, то ли умер, не знаю точно. Но палата освободилась. Она была не такой просторной, как палата на четверых, хотя тесной ее тоже назвать нельзя. Но уже при переезде я ощутил насущную необходимость иметь второго пилота, который будет направлять движение кровати. К тому же даже невысокий порог кровати переехать была не в состоянии, и выздоравливающие солдаты приподнимали поочередно одну и другую спинки, чтобы вывезти меня на оперативный простор коридора, где, к сожалению, тоже невозможно было испытать скоростные возможности моего средства передвижения. Слишком много нашлось желающих посмотреть на чудо японской техники. Даже проехать до новой палаты было трудно. Но я никого не задавил.

В палате едва успел подключить в розетку зарядное устройство, поскольку заряд аккумулятора моей кровати был уже истощен передвижением, требующим затрат энергии, когда в дверь после короткого стука вошел полковник Михайленков, как и в прошлый раз, в халате, который на нем казался откровенно детским.

– Как дела, Кот?

– Вашими молитвами, товарищ полковник. Стараюсь выжить и окрепнуть. Надеюсь, на новом месте у меня это получится лучше. Статус палаты к тому обязывает.

– Я буквально на три десятка секунд. Не на тридцать три, а только на три. Короче говоря. Скоро к вам пожалует священник. Договорился. После священника ждите преподавателя английского языка. А я пока оставляю вам кое-какие материалы по последней работе человека, которого вы должны будете заменить. Афганские материалы...

– Он в Афгане воюет?

– Нет. Он просто был там в командировке. Мало ли что... Вам, Кот, следует знать, чем ваш предшественник занимался. Капитан Лосовски не офицер регулярной американской армии, он командир группы испытателей. При этом испытывает не только оружие, но и всякую вспомогательную технику. Придется хотя бы кое-что из этого и вам освоить. Но, мне кажется, достаточно будет знать дела в общих чертах, по российским аналогам. Изначально мы вообще не намеревались вам эти документы предоставлять, но потом в оперативном отделе просчитали, что вероятность вашей встречи с человеком, который проходил стажировку в рядах талибов, равняется тридцати процентам. Это уже большая величина, и подстраховаться необходимо. Согласно нашим данным, едва ли кто-то из талибов мог быть хорошо с капитаном Лосовски знаком, но видеть его кто-то мог, поскольку Лосовски имел с талибами конфликты и даже наскоро познакомился с двумя выходцами с Северного Кавказа. И пообещал им, что скоро сам к ним на Кавказ пожалует. Он даже взял их координаты. Его могли запомнить. А на сотрудничество с нашими северокавказскими бандитами Роберт Стивенс Лосовски очень даже рассчитывает, потому что силам его группы самим с заданием не справиться. Вот он и желает привлечь бандитов Северного Кавказа, которые бесплатно работать не будут. При этом Лосовски желает заплатить бандитам не деньгами, а новым экспериментальным оружием – психотронной пушкой. Это вкратце. Мы эту информацию получили из первых, как говорится, рук. Один из бандитов, с которыми Лосовски встречался в Афгане, сейчас находится в СИЗО в Махачкале. И кое-что рассказывает. К сожалению, он не главный человек в той паре. Его партнер находится в розыске, и добраться до него мы пока не можем. Но именно этот партнер время от времени общался с американским капитаном по телефону. – Полковник посмотрел на часы. – Все! Уже опаздываю, а командование этого не любит. Я побежал. Машина ждет. А вы пока изучайте материалы. В открытом виде их лучше нигде не оставлять. Хотя документы и не носят грифа «Секретно», тем не менее

могут показать направление нашей заинтересованности. Я загляну сегодня перед ужином или даже завтра. Это не от меня зависит. Как доставят китайские препараты, я сразу и приеду. Возникнут вопросы, я буду готов ответить. И дам устную связку между материалами и реальными событиями, в которых вам предстоит участвовать.

– Я прочитаю внимательно, товарищ полковник, – пообещал предельно серьезно.

– Среди материалов есть отдельный, не связанный вроде бы с военной тематикой. Если по этому материалу будут соображения, обсудим варианты. Сам ни на чем настаивать не буду, но, скажу честно, буду рад, если... Короче говоря, буду ждать вашей реакции...

* * *

На стук в дверь я спокойно и громко ответил:

– Войдите, батюшка.

Вошел священник. Средних лет, с седой короткой бородкой и с седыми волосами, собранными на затылке в хвостик. Седина у него, видимо, была ранняя. Мне так подумалось.

– В окно мой приход видели?

– Если бы я смог до окна добраться, батюшка, я бы и до часовни сам дошел. Разница в расстоянии для меня принципиального значения не имеет.

– Меня зовут протоиерей Георгий. Я поставлен на духовное окормление пациентов госпиталя, – представился священник, глядя мне в глаза со вниманием.

– Старший лейтенант Кот...

– Фамилия такая? – переспросил батюшка.

– Котовский. Но к Коту я больше привык.

– А имя?

– Платон, – сказал я и сразу поправился: – Раб божий Платон.

Меня, получившего веру от родителей, само понятие «раба божьего» не смущало нисколько. Некоторые же, я слышал, возмущаются, заявляя, что они не рабы божьи. Но это, как я понимаю, все зависит от убежденности. Кто-то желает быть рабом божьим, кто-то становится рабом греха. Третьего не дано.

– Понимаю, что крещеный и воцерковленный, – констатировал отец Георгий. – Но мне сказали, что у вас есть ко мне важный разговор.

– Да, разговор, важный для меня, требуется пояснение к происшедшему со мной. Вы садитесь, батюшка. Я за минуту все рассказать не смогу.

Он сел. Я рассказывал только о происшествии на пробежке, о том, что сумел сделать, чтобы спасти своих солдат, и о том, к чему это привело меня. То есть о своем путешествии через тоннель. Причем многие подробности вспоминались уже по ходу рассказа. Но рассказывал я долго, не торопился, хотя и понимал, что здесь, на земле, где присутствуют понятие и действие времени, это все выпадит растянутым, а в действительности все, как мне казалось, произошло за мгновения.

– Подобные случаи не редки, и многие из них давно описаны. Есть даже целые книги на этот счет, – после непродолжительной паузы, когда я закончил рассказ, сказал отец Георгий.

– Да, я читал кое-что из этого. Хотя, когда что-то происходит с другими, это может быть просто интересным, но никогда не ждешь, что это с тобой произойдет.

– Наверное. Я недавно встречался с женщиной, которая пережила нечто подобное. Она ложилась на операцию и перед операцией пришла ко мне исповедоваться. Долго исповедовалась, с самого детства свои грехи вспоминала. Во время операции впала в состояние клинической смерти. И потому не удивляюсь вашему рассказу.

– Меня другое смутило, и я хотел бы получить разъяснения. Церковь учит нас, что после смерти душа человека проходит сначала через мытарства и только потом достаива-

ется милости видеть царствие небесное. Я даже могу понять, что после исповеди женщина, про которую вы рассказывали, тоже избежала мытарств. А как же я? Я давно уже не исповедовался. И даже на службе давно не был. Почему я без мытарств остался? Или это все должно произойти позже? Я просто не дождался их?

– С вами, Платон, произошел особый случай. Подобное не каждому выпадает, а если выпадает, то это только по милости господней к нам, грешным, – он перекрестился. – Господь говорит нам в Евангелии, что нет высшей любви, чем отдать жизнь свою за други своя. Вы собой, можно сказать, закрыли солдат. Это, я думаю, высшее проявление любви к ближнему. А ведь сам господь не что иное, как любовь. И потому один ваш поступок перечеркнул множество ваших предыдущих грехов. Я так думаю, что ваши действия можно рассматривать и как чистосердечную исповедь, и как раскаяние в своих беззакониях. И господь оценил все по милости своей.

– Может быть. Любой на моем месте поступил бы так же. Но кто такой Юрий, который сопровождал меня?

– В какой это день было? Какого числа?

Я сказал.

– Посмотрю в церковном календаре. На память все даты я назвать не могу. Хотя могу предположить на основе своего опыта и знаний, что это был святой, чью память празднуют именно в этот день. Слышал, что бывали именно такие случаи. Если вам интересно, могу даже позвонить вам. Скажите свой номер.

Я продиктовал номер своего мобильного. Священник даже записывать не стал.

– У меня память хорошая. Я телефоны всегда сразу запоминаю.

Он дважды повторил номер.

Хорошее качество для священника. Я тоже всегда сразу запоминаю номера телефонов, как запоминаю и многое другое. Кто-то сравнивает человека с компьютером, только с биологическим. Однако, как говорят ученые, у любого, даже самого мощного компьютера память всегда ограничена объемом жесткого диска. Память же человека границ не имеет. Более того, эта память умудряется вмещать в себя столько вещей и нужных, и ненужных, и не очень нужных, что остается только удивляться. А если человек умеет найти в своей памяти нужный файл и открыть его, то память такого человека можно назвать безграничной. Помимо этого, читал недавно, ученые обнаружили в каждом человеке так называемую генную память. То есть мы, в идеале, знаем все, что знали наши предки. К сожалению, никто не знает, как к этой памяти подступиться. У животных проще. У них эта память более ярко выражена. Маленький деревенский щенок тотчас бросается прочь, когда прохожий, на которого он тявкнул, наклоняется якобы подобрать с земли камень. Это работает генная память. Щенок помнит о камнях, которые бросали в его предков. У человека общение с генной памятью, к сожалению, сильно ограничено.

Отец Георгий встал, собираясь прощаться. Мне понравилось его лицо, спокойное, с ярко выраженной уверенностью в своей правоте. Мое-то лицо ему понравилось едва ли. Но священник никак не показал этого.

– Мне говорили, что вы хотели и исповедоваться?

– Да. Есть у меня такое желание.

– Но к исповеди следует хорошо подготовиться.

– Да. Потому я и не прошу провести ее как можно скорее. Наверное, лучше будет, когда на ноги встану и смогу в часовню прийти.

– Лучше ко мне в храм. Я скажу вам, куда. В часовне не проводится литургия и нет обряда причащения. Лучше в храм. Думаю, вам помогут туда даже доехать. А вообще я рекомендую с исповедью не затягивать. Вспомните слова господя: «В чем застану, в том и судить буду». Он не про одежду говорил, а про состояние человека. Никому не дано знать,

когда господь решит забрать нас. Идет по улице крепкий и внешне здоровый человек. А в голове у него лопается сосуд. И он умирает. Он не собирался умирать. Он даже подумывал сходить на исповедь. Но все время откладывал. Он считал, что с ним ничего плохого произойти не может. Но мы не знаем, что может с нами произойти. И потому лучше не откладывать. Исповедоваться и причащаться следует регулярно. И всегда следует быть готовым держать ответ перед богом. Ну, я заговорил вас. А у меня сегодня еще вечерняя служба в храме. Будем прощаться. Благослови вас господь.

– Спаси бог, – ответил я, переводя на церковный язык всем привычное слово «спасибо».

– Я бы пожелал вам еще Царствия Небесного, но люди, даже верующие, всегда обижаются, когда им это желают. Думают, что им желают поскорее умереть. Хотя это пожелание – высшая цель, к которой каждый верующий стремится. А чтобы быстрее поправиться, чаще осеняйте себя крестным знамением. И читайте Иисусову молитву.

– К сожалению, батюшка, правая рука у меня загипсована, а левой, насколько я знаю, креститься не допускается.

– Креститесь мысленно.

Священник, прощаясь, по-офицерски наклонил голову, и только что каблуками не щелкнул на прощание. Не зря проводит молебны в часовне военного госпиталя! Мне в ответ, к сожалению, даже голову наклонить было сложно. Гипс мешал. Но я сделал это мысленно. Если можно мысленно креститься, почему же нельзя мысленно прощаться по-офицерски...

* * *

Теперь осталось дожидаться появления преподавателя английского языка. Я уже знал, что это женщина, и надеялся, что она не слишком впечатлительная и я не очень ее напугаю, если нечаянно улыбнусь. Есть у меня дурная привычка улыбаться женщинам. Еще со школы привычка осталась, с младших классов. Желая сорвать урок, я легко добивался этого, позвав кого-то из одноклассниц шепотом и улыбнувшись. Следовал визг, а потом слезы. В результате учитель не успевал спросить домашнее задание. Многие, и я в том числе, были счастливы.

Пока оставалось время, воспользовался услугами японской кровати и включил подсветку в изголовье. Вытащил из тумбочки бумаги, слегка повернув саму кровать набок, чтобы было удобнее работать левой рукой, не изгибая ее против естественного изгиба и не разрывая связок. Решил изучить документы, принесенные полковником Михайленковым, ознакомиться с работой капитана Лосовски.

Первый документ представлял собой официальный пресс-релиз Управления перспективных исследовательских проектов Пентагона (DARPA). В нем сообщалось, что «проведены первичные испытания нового костюма Warrior Web, предназначенного для компенсации нагрузки на военнослужащих при переносе тяжестей.

В ходе испытаний экипированный прототипом костюма военнослужащий шагал по беговой дорожке с рюкзаком массой 27,6 килограмма за плечами. Новый костюм предназначен для предупреждения физических травм от перенапряжения при переноске тяжестей. В частности, речь идет о компенсации мышечной усталости и нагрузки на суставы (в первую очередь на колени).

Костюм весит около девяти килограммов и оснащен комплексом датчиков, которые отслеживают нагрузку на скелетно-мышечную систему военнослужащего. Костюм представляет некое подобие сетки, элементы которой поддерживают основные суставы и мышцы тела бойца. Для питания датчиков и интерактивных «бандажей» костюм оснащен аккумуляторной батареей.

Warrior Web может использоваться как с обычной экипировкой, так и с перспективной защитной экипировкой военнослужащих, не стесняя при этом движений.

Разработка разгрузочного костюма Warrior Web началась в 2011 году. В скором времени планируется изготовить опытные образцы костюма, которые отправят на полевые испытания в действующую армию, предположительно в Афганистане. Сейчас под патронажем DARPA в США ведется разработка сразу нескольких «экипировок будущего», а также экзоскелетов для военнослужащих, которые помогут бойцам переносить тяжести массой до 90 килограммов. Подобные разработки ведутся и в других странах, включая Россию».

У меня, по прочтении, сразу возникла мысль о том, что какое-то подобие костюма Warrior Web можно было бы использовать и мне вместо тяжелого и мешающего гипса. Но это были только мечты. Я прекрасно понимал, что кровать – это то небольшое, что мне могут сейчас предоставить для скорейшего выздоровления и возвращения в строй.

Впрочем, в строй вернуться можно и лежа на японской кровати. Какая, в принципе, разница, читаю я предоставленные мне документы сидя в ротной канцелярии, или в штабе батальона, или лежа в кровати? Главное, я не теряю времени и продолжаю подготовку к операции...

Первые страницы я переложил вниз, и просмотрел следующий материал. Он уже касался российских разработок.

«Министерство промышленности и торговли России выделило миллиард рублей на разработку отечественного экзоскелета в рамках амбициозного проекта, направленного на повышение или восполнение физических возможностей человека.

Этот проект включает три направления. Два из них связаны с протезированием и различаются по системам управления. Одно направление будет заниматься созданием высокотехнологичных протезов современного образца, а другое – разрабатывать искусственные части тела, управляемые сигналами нервной системы. Но наиболее сложной и комплексной задачей будет именно подготовка экзоскелета.

Экзоскелет – это костюм, увеличивающий физический потенциал человеческого тела благодаря внешним конструкциям и приводам. Природа наградила многие формы жизни собственными экзоскелетами – например насекомых. Их хитиновый покров фактически заменяет им скелет, сохраняя форму и целостность тела. Кости человека находятся внутри его тела, однако они обладают ограниченным запасом прочности. При слишком сильной нагрузке человек может относительно легко повредить кости или ткани, связывающие их друг с другом. Конструкция экзоскелета строится на металлических или полимерных элементах, которые работают как внешние кости, принимая на себя нагрузку. В движение их могут приводить сервоприводы, мощность которых также превышает потенциал человеческих мышц. Таким образом, человек является лишь управляющим центром, а большую часть нагрузки принимают на себя металлические опоры и специальные двигатели.

Облаченный в экзоскелет человек становится гораздо сильнее, он способен поднимать больший вес и нести его не уставая, поскольку большую часть или даже всю нагрузку возьмут на себя металлические опоры и сервоприводы. Использовать экзоскелет можно как для гражданских, так и для военных целей. Теоретически он увеличивает силу, скорость и выносливость человека до невообразимых уровней, что может помочь при строительстве, переноске грузов, спасательных операциях или при ведении боя. Однако на данный момент реализация таких систем затруднена. Рабочих прототипов совсем немного, часть из них создана по заказу Минобороны США. Пока они не делают обычного человека сверхсолдатом, а обладают лишь простейшими функциями, например позволяют переносить тяжелые предметы, закрепив их на опорах экзоскелета. Основная проблема заключается в создании адекватной системы управления, которая могла бы позволить костюму в точности и быстро повторять движения пользователя. Если команды будут выполняться с задержкой

или не полностью, то смысла в этом костюме практически не будет. Если же экзоскелет будет повторять их слишком рьяно, пилот может пострадать. Однако сначала японские ученые смогли создать систему управления, которая принимает сигналы напрямую от нервной системы, потом и российские приблизились к решению проблемы. Возможно, именно это достижение сделает экзоскелеты реальностью. При этом не стоит забывать и об энергоносителях, которые требуются скелету для автономной работы. Эту проблему, кажется, удалось решить россиянам. Разработанная наносистема энергоснабжения способна не только позволить экзоскелету работать в течение восьми часов без перезарядки, но и подзаряжаться за счет собственных движений. Наногенераторы, установленные на сочленениях костюма, на коленях, на локтях, в районе тазобедренных суставов, превращают каждый шаг или движение руки в способ подзарядки аккумулятора. При этом чем больше передвигается человек в экзоскелете, тем дольше он не теряет этой способности».

Материал по стилю больше походил на газетную статью или информацию из Интернета. Возможно, так оно и было. При первичном знакомстве с существом вопроса мне и не стоило вникать в технические подробности, если вообще стоило в них вникать. Я помнил слова полковника Михайленкова о том, что в группу выделяют технических специалистов. Материалы мне предоставили не секретные, следовательно, среди них могут быть и материалы общего доступа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.